

The image features four thick, light-brown braided ropes hanging vertically against a solid blue background. The ropes are positioned at approximately one-quarter, one-third, two-thirds, and three-quarters of the width of the frame. The text is overlaid on this background.

ФАНДОМ

2.0

АННА
ДЭЙ

Анна Дэй
Фандом 2.0
Серия «Фандом», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64237552
Дэй А. Фандом 2.0. Книга вторая: ООО «Издательство Робинс»;
Москва; 2020
ISBN 978-5-4366-0686-6

Аннотация

Хотели бы вы оказаться в своей любимой книге? Познакомиться с персонажами? Увидеть знакомые пейзажи? Главным героям книги «Фандом» выпал такой шанс!

Вот только, прежде чем любоваться красотами, им предстоит выжить, ведь мир «Танца повешенных» далеко не так романтичен, каким казался на бумаге.

Вернувшись в свой мир, Элис и Виола взялись за написание фанфика «Песнь повешенных» в попытке исправить то, что произошло, и спасти тех, кого они потеряли.

У них есть всего одна попытка, чтобы вернуть всё на свои места.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	82
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Анна Дэй

Фандом 2.0

Anna Day
Fandom. Rising

Оригинальная версия произведения на английском языке впервые опубликована в 2019 г. под заглавием THE FANDOM. RISING издательством The Chicken House, 2 Palmer St., Frome, Somerset, BA11 1DS, UK.

Авторские права на текст – Анна Дэй © 2019 г.

Основано на идее Анджелы Маккейн.

© The Big Idea Competition Limited

Права на имена всех персонажей и наименования мест, упомянутых в настоящей книге, принадлежат

АННЕ ДЭЙ © 2019 г., и их использование без разрешения запрещено.

Права автора/иллюстратора защищены.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2020

* * *

Здравствуйте!

Вот и готова вторая книга цикла «Фандом» – заключи-

тельная часть диалоги.

Анна Дэй заранее предупредила читателей и издателей: третьей книги не будет, достаточно двух – как двух половинок целого.

На заданные в первой части вопросы найдутся ответы во второй, персонажи отыщут, что искали, исполнится чья-то мечта, кто-то обретёт счастье. Однако перед вами не сладкая полудетская сказочка о всемогущих и удачливых попаданцах. Знакомые герои изменились, хоть и повзрослели всего на год. И тем неожиданнее видеть, как вчерашние модницы и любительницы острых шуток жертвуют собой ради родных и друзей. Влюблённые в придуманных героев девочки, столкнувшись со страшным выбором, без колебаний поступают, как им подсказывает совесть.

Анна Дэй пишет очень кинематографично: читая краткие и точные описания, легко представить, как выглядят персонажи и пейзажи. Героям хочется сопереживать, потому что все они действуют искренне. Картонных, ходульных персонажей, о которых сразу забываешь или не понимаешь, кто это и зачем он здесь, в этой книге вы не встретите. Нет и «роялей в кустах», когда сложная и запутанная ситуация вдруг по мановению волшебной палочки оказывается на удивление простой и легко разрешимой. Зато есть погони, опасности и романтика. Мастерски сплетённый сюжет держит в напряжении до последних страниц. Может быть, особо проницательные читатели и догадаются, чем

закончится история, но меня некоторые повороты сюжета застали врасплох.

Надеюсь, дорогие читатели, финальная часть дилогии оправдает ваши ожидания, а герои останутся в памяти.

Переводчик книги

Вера Гордиенко

Фанфик, который должен исправить произошедшее, написан.

А мой брат всё ещё не вышел из комы.

Нейт должен вернуться домой.

Даже если за это придётся заплатить высокую цену.

Осталось лишь набраться храбрости, ведь...

Мы снова отправляемся в мир «Танца повешенных».

Попытка 2.0

Пролог

Посвящается маме и папе

«Не пройдёт и недели, как мой брат умрёт».

Эта мысль не выходит у меня из головы, но я стараюсь об этом не думать. Пока Нейт лежит на больничной кровати, опутанный гибкими трубками и проводами, пока он дышит, я верю, что его можно спасти. Даже если ради этого придётся пойти на самое страшное – вернуться в то кошмарное, проклятое место.

Глава 1

— *Виола* —

Элис смотрит на список дел на моём столе.

– Невероятно! Ты шагу не ступишь без тщательно разработанного плана! До начала учебного года ещё куча времени.

Я выхватываю лист бумаги у неё из-под носа. Последним пунктом в списке значатся «тампоны размера супер».

«Вот ведь угораздило оставить на видном месте!»

– Мне нравится, когда всё расписано заранее, ты же знаешь.

Занятия в университете начнутся в сентябре, и я обеспокоена до ужаса. Сейчас только июль, а я составила уже двадцать пятый список дел.

– А что тебя тревожит? – спрашивает Элис. – Мы с тобой давно знакомы, и первую неделю с новичками-первогодками проведём так, что чертям тошно станет. – Она чуть улыбается уголком губ. – Особенно во всеоружии с твоими тампонами размера супер.

Меня не проведёшь: Элис тоже боится университета. Вот и сейчас – у неё напряжённый взгляд, а пальцы сами собой накручивают длинные пряди.

Кейти растягивается на моей кровати с айфоном в руках и просматривает новости на популярном музыкальном портале NME.

– Надеюсь, Ви, ты не ограничишься близким знакомством с тампонами размера супер, – насмешливо улыбается она мне.

– Хватит меня подначивать насчёт затянувшейся девственности, – отвечаю я. – Ещё в школе надоело.

Смеркается. Я плотно задёргиваю шторы в надежде, что подруги поймут намёк и отправятся по домам. А я лягу спать. С тех пор как мне перестала сниться непонятная старуха с яблочно-зелёными глазами, я отправляюсь в постель пораньше. Как же хорошо отоспаться и не бродить целыми днями, как сонная муха.

Кейти смеётся, и веснушки у неё на носу становятся ярче.

– Шучу, не сердись! Знаю, ты верна своим обетам.

– «Однажды явится мой принц», – пищит Элис начало песенки из мультфильма о Снежной королеве.

– Не нужен мне принц, – вздыхаю я. – Пусть лучше будет полная противоположность всем принцам: обычный, настоящий, честный...

Перед глазами проносится череда знакомых образов, вспыхивают непонятные картины – от страха, смешанного с возбуждением, кружится голова, а внутри всё сжимается в тугую ком. В воздухе танцуют белые перья, я вижу светло-голубые глаза-льдинки и тёмные пряди на бледной коже щёк.

Элис крутится на моём вращающемся стуле, едва не зевая от скуки: сериал, который мы смотрели, как раз закончился.

– В университете тебя поджидает толпа первокурсников, которые не слышали ни о вежливости, ни о личной гигиене. Среди них наверняка обнаружится и твой антипринц.

Телефон Элис тихонько тренькает, и она тут же принимается стучать по экрану наманикюренными ноготками, перелистывая страницы и что-то печатая.

– Как ты думаешь, Ви, на нас там все будут пялиться? – спрашивает Кейти. – Мы же старше всех на целый год.

– Вряд ли, – отвечаю я, усаживаясь на кровать. – Не мы одни решили передохнуть после школы, взяли академ.

– Так называется наш отпуск-на-год? Академ?

– Ну, пустой год. Как хочешь, так и называй, – пожимаю я плечами.

– А давай назовём его Фред, ладно?

– Ты чокнутая, – хохочу я. – Понятно, почему психолог от тебя никак не отвяжется, – выпаливаю я, вместо того чтобы включить мозг и прикусить язык.

К счастью, Кейти не обижается. Не хочу её расстраивать пусть и дружескими насмешками. Кейти мучают кошмары и навязчивые воспоминания – так она нам объяснила. Мы знаем, как ей трудно, но старательно не замечаем слона в посудной лавке.

В прошлом году мы втроём явились на выпускные экзамены, кое-как сдали и взяли что-то вроде отпуска от учёбы: от-

ложили поступление в университет на целый год. Едва мы с Элис вышли из комы, как получили очень интересное предложение от одного издательства. Наверное, сыграли роль известность Элис среди любителей фанфиков и таинственное происшествие с нами на «Комик-Коне»¹. Мы в кратчайший срок написали и издали книгу «Песнь повешенных» – продолжение «Танца повешенных». Спрятались ото всех и писали с утра до ночи, мечтая, чтобы Нейт вернулся к нам живой и здоровый.

На стене, за спиной у Элис, висит обложка нашей книги, аккуратно заключённая в рамку. Прямоугольник похож на те, в которых пишут мысли персонажей комиксов. Мне обложка всегда напоминает о Нейте. Или, точнее, о том, что Нейта больше с нами нет. Конечно, он не умер. Но как будто застрял где-то в придорожном кафе, задержался в пути и никак не доберётся до дома. Жизнь... слишком дорого обошедшаяся остановка... смерть. А ещё, глядя на обложку, я думаю: «Как же глупо было надеяться, что стоит мне создать героя новой книги, похожего на Нейта, и случится чудо: жизнь вернётся в полумёртвое тело моего брата». Вот так. Каждый раз при взгляде на обложку меня будто дважды бьёт током. И Нейта я потеряла, и глупые надежды не оправдались. Рамку мне подарили родители, и лишь поэтому я не

¹ «Комик-Кон» (*Comic Con*) – ежегодная международная выставка и развлекательная ярмарка, посвящённая «фантастической» поп-культуре: комиксам, играм, книгам, фильмам по мотивам научной фантастики и фэнтези. Проходит в крупных городах всех континентов мира.

снимаю обложку со стены.

– Как ты считаешь, нас узнают? – спрашиваю я Кейти.

– Ещё бы! – уверенно отвечает она. – Вы же написали бестселлер, а Элис Аниме к тому же перепихнулась с Расселом Джонсом.

– Вот уж от чего я бы точно не отказалась, – бормочет Элис, хмуро читая что-то на экране смартфона.

Кейти с весёлым смехом перебрасывает копну рыжих волос с плеча на плечо. Она отрастила короткое каре, и новая причёска ей очень идёт.

– Уж мы-то знаем, как всё было. А остальным невдомёк!

Элис буравит нас с Кейти чернильно-синими глазами.

– Я стояла рядом с ним на «Комик-Коне». Один раз. Конечно, был бы у него супергибкий и супердлинный одноглазый змей, другое дело, а так... – Пожав плечами, Элис возвращается к экрану смартфона.

– «Его одноглазый змей проскользнул незаметно, даже юбка не шелохнулась». А как вам такая фраза? – спросила я.

– Класс! – отозвалась Кейти. – По литературному мастерству тебе гарантирована высшая оценка с плюсом. Да и Элис тоже. Не пойму, чего вы дёргаетесь? Вы же написали бестселлер!

– Хочется стать нормальной, обычной студенткой, – вздыхаю я.

Все молчат. Слишком явно мои слова напоминают о странностях, которые нам довелось пережить совсем недав-

но.

Вздыхнув, Элис запикивает телефон в задний карман. На её лице написано желание врезать кому-нибудь по физиономии.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Ничего, – принуждённо улыбается она.

«Ясно. Плохой отзыв на книгу».

Элис прячет от меня критические рецензии с тех пор, как я разрыдалась, увидев низшую оценку нашей книги. Однако то дело прошлое, теперь меня голыми руками не возьмёшь.

– Не бойся, я не заплачу.

– Тут приятного мало, – морщится Элис. – Даже меня отметили в комментариях. Пришло же в голову...

Я протягиваю к ней руку ладонью вверх. Пусть покажет отзыв, я больше не та размазня, что раньше. Однако Элис не сдаётся.

– Виола, я серьёзно. Не читай эти глупости. Здесь много-много... личного.

Я не шевелюсь, с безмолвной решимостью ожидая, когда на моей ладони появится телефон Элис.

Подруга вздыхает и неохотно, нарочито медля, открывает на экране страницу с новой рецензией.

– «Антиутопия дейли», – бормочу я. – Они же публиковали рецензии на «Песнь повешенных», когда книга только вышла.

Это очень популярный сайт. Его читают толпы фанатов.

Одних подписчиков у «Антиутопии дейли» больше миллиона. Что и говорить, их восторженный отзыв здорово помог нам в самом начале продаж.

Элис пожимает плечами.

– Я же говорю: приятно мало. Они понизили рейтинг нашей книги с пяти звёзд до одной.

– А разве так можно? – спрашивает Кейти, пристраиваясь рядом со мной, чтобы тоже прочесть комментарии.

– Им всё можно, – вздыхает Элис.

Пробегая глазами ровные строчки, я чувствую, как моя решимость противостоять плохим новостям быстро испаряется, а колени начинают мелко противно подрагивать.

Как вам уже известно, мы с восторгом приняли роман Салли Кинг «Танец повешенных», где автор пишет о генетически модифицированных людях, гемах, которые подчинили своей воле обычных, как мы с вами, немодифицированных, дефектных граждан – то есть дефов. Элис Чайлдс и Виола Миллер написали продолжение к истории мисс Кинг и назвали его «Песнь повешенных». Когда сиквел увидел свет, мы, как вы помните, с радостью поставили этому произведению высшие оценки. Однако с тех пор у нас в «Антиутопии дейли» кое-что изменилось, и мы решили обновить ту, первую, рецензию. К сожалению, ребята, в первый раз мы поспешили с восхищёнными аплодисментами. «Песнь повешенных» фальшива от первого до последнего звука.

– А вот музыку сюда приплетать не надо, двуличный прыщ, – бормочет Кейти, заглядывая мне через плечо.

После трагической гибели Розы Уиллоу объединяется с Эшем, Баббой и, конечно, Торном – другими персонажами так полюбившейся нам книги Салли Кинг. Эмоции в этом кругу единомышленников зашкаливают, как среди зрителей шоу Джереми Кайла. Однако каким-то чудом наши революционеры всё-таки устраивают переворот и отправляют в супертехнологичную тюрьму президента-гема. В правительстве появляются новые лица, к примеру, папочка Уиллоу. Всем крупным городам предписано освободить дефов под наблюдением особого Совета. В Лондонский совет входят Эш, Уиллоу, Бабба и Торн, и вскоре на всех уровнях власти разворачиваются жёсткие столкновения мнений и сил. Не хуже, чем в шоу Джереми Кайла.

Единственным глотком свежего воздуха хочется назвать нового героя книги по имени Нейт. Это юный деф, наделённый необыкновенной сообразительностью и остроумием, который тоже становится членом Лондонского совета. Нейт – сирота. Согласитесь, заезженный литературный приём, однако нас в этом герое привлекает его незамутнённый взгляд на мир. К сожалению, даже Нейт не спасает «Песнь повешенных». И честно говоря, попытки Миллер выжать слёзы у читателей, используя плачевное состояние своего брата, достойными не назовёшь.

Я из последних сил сдерживаю обиженный всхлип, а Кей-ти сжимает моё плечо, видимо, прочитав те же строки.

Книгу венчает открытый финал. На наш взгляд – совершенно провальная попытка создать утопию. Единственное, что кардинально изменили авторы сиквела, – разрушили виселицу, а вместе с ней исчез и танец повешенных, с которым связаны самые захватывающие эпизоды романа Салли Кинг.

Подводя итог, скажем, что Чайлдс и Миллер лишили антиутопию самых лучших её элементов. Фактически вырвали с корнем «анти», оставив нам нечто лишь отдалённо напоминающее утопию. Салли Кинг, наверное, переворачивается в гробу, и мы ей искренне сочувствуем.

«Какая гадость...»

Мы с Элис вложили в «Песнь повешенных» столько труда. Мы писали и медленно, маленькими шажками возрождались к жизни после комы. А этой рецензией меня будто выставили на потеху хохочущей толпе... голую.

«К чему эти критики упомянули Нейта и его болезнь? За что так несправедливо обвинили меня?»

– Зачем они так о Нейте? – дрожащим голосом выговариваю я, чувствуя, как в груди нарастает жгучая боль.

К глазам подступают слёзы.

Элис забирает у меня телефон и дружески обнимает.

– Вот гады! Так и знала, что ты расстроишься. Брось, Ви, они просто привлекают внимание, раззадоривают публику.

Завтра примутся за кого-нибудь ещё.

Кейти протягивает мне салфетку, и я краснею от смущения. Снова слёзы из-за плохой рецензии. Как глупо! На этот раз критика действительно меня задела. Элис права – этот писака ударил в больное место.

– Вообще-то грустить – это нормально, – со знанием дела произносит Кейти. – Не отталкивай эмоции, переживи их, прочувствуй до конца.

Подруга так серьёзно цитирует своего психолога, что я невольно улыбаюсь. Мне переппадают неожиданные сеансы психотерапии.

– Мне пора, – говорит Кейти, подхватывая свой айфон и натягивая джемпер. – Завтра у меня урок. Я играю на виолончели. А потом увидимся, ладно? – Она сердечно обнимает меня и напоминает: – Любая рецензия – это всего лишь чьё-то мнение, не забывай.

Ещё раз стиснув меня в объятиях, Кейти исчезает, и мы остаёмся вдвоём с Элис, да ещё мерзкий отзыв, будто повисший между нами.

Телефон Элис снова звякает, и я, вздрогнув, вытираю вспотевшие трясущиеся руки.

– Тимоти проснулся, – говорит она.

Тимоти – наш редактор. Элис поворачивает экран, чтобы я прочла сообщение.

Жду завтра в офисе в 2 часа.

Очень важно. С меня печеньё.

Обнимаю. Т.

Я торопливо проверяю свой мессенджер, хотя и так понятно – мне Тимоти ничего не написал.

«Интересно. Может, он хотел встретиться только с Элис? Без меня? Не выйдет. Мы соавторы. А если редактор попытается отпихнуть меня в сторону, то покатится куда подальше».

– Как ты считаешь, он уже прочитал этот отзыв?

– Всё может быть, – отвечает Элис.

– Неужели он действительно думает, что нас можно соблазнить сладостями? Как детсадовских малышей?

Элис смеётся и задаёт вопрос:

– Так ты идёшь или нет?

Она целится пальцами в экран, стремясь поскорее отправить ответ.

«Интересно... Почему Элис не сказала: “Так мы пойдём или нет?” То есть она пойдёт, это решено».

И я киваю:

– Да, я иду.

– Кто же откажется от сладкого? – сверкает белозубой улыбкой Элис.

– Дураков нет.

Стуча ноготками по экрану, Элис выбивает ответ:

Согласны.

Печенье – только шоколадное.

Обнимаю. Э.

– Встретимся прямо там? – спрашивает меня подруга.

Офис редактора расположен неподалёку от Музея естествознания, и Элис знает, как я люблю гулять вокруг старинного огромного здания, прихлёбывая латте и притворяясь, что Нейт со мной, – ведь это его любимый музей. Мы с Нейтом часто туда ходили, когда брат был маленьким. Он набивал свою светлую голову самыми разными сведениями, старательно хранил их в памяти, чтобы однажды поделиться с окружающими, в самый, как правило, неподходящий момент. Однажды за чаем подробно рассказал тёте Мод о брачных играх карликовых гиппопотамов. Представляете? Карликовых гиппопотамов! Как ни странно, в просторных прохладных залах музея мне всегда тепло и уютно, а вот от одного упоминания о собственной книге, «Песнь повешенных», пробирает дрожь. Когда-нибудь я пойму, отчего так происходит.

– Ладно, – киваю я в ответ. – Давай встретимся на улице, у входа в здание. Не поднимайся к Тимоти без меня, его секретарша меня ненавидит.

– Да брось, эта стерва взъелась на весь свет. – Элис посылает мне воздушный поцелуй и говорит на прощание: – Спокойной ночи, и пообещай, что не станешь перечитывать эту

отстойную рецензию.

– Обещаю.

И я тоже посылаю ей воздушный поцелуй.

Глава 2

— Элис —

Я торчу перед единственным большим зеркалом в бутике Karen Millen, прикладывая к себе так и этак платье лавандового цвета. У мамы скоро день рождения, и мне хочется подарить ей что-нибудь симпатичное.

«И пусть она бросится мне на шею и счастливо воскликнет: “Ах, Элис, ты самая лучшая дочь на всём белом свете!” И запоют птицы, а в небе зажгутся радуги огней... Ну как-то так».

Мы с мамой одного роста и вообще похожи. Она даже называет меня: «Мой двойник». И если платье будет хорошо смотреться на мне, то пойдёт и маме. Вот только лавандовый – явно не мой цвет. В этом платье я какая-то отвратительно бледная, с голубоватым оттенком.

Продавщица, молодая девушка, перехватывает мой взгляд. Я отворачиваюсь. Девушка наверняка думает, что я самовлюблённая дура. Из тех, кто станет пялиться на своё отражение в реке, пока не шлёпнется в волны и не утонет.

«А может, Нарцисс был просто несчастным закомплексованным подростком? Смотрел на себя и мучился, что так

неудачно выщипал брови. Кто знает, почему он утопился. Вдруг вовсе и не от любви к себе, а замечтавшись о косметическом пинцете».

Нога за ногу я бреду к кассе. Обшарив четыре бутика в поисках идеального платья, при виде которого мама засияет, как весеннее солнышко, признаюсь, что похвастаться мне, прямо скажем, нечем. Отбросив прочь мучительные размышления, протягиваю продавщице банковскую карточку и криво улыбаюсь.

Когда из кассы выползает чек, звонит мой телефон. Это Виола.

– Элис, где ты застряла? Мы должны быть у Тимоти через десять минут.

– Чёрт! – Я бросаю взгляд на часы. – Прости, уже бегу. Поднимайся без меня, скажи ему, что у меня месячные или что-то вроде того. Он покраснеет, запыхтит и забудет рассердиться. Сейчас, минутку... – Схватив сумку с платьем, я невнятно благодарю продавщицу и почти бегом направляюсь к выходу из бутика, огибая вешалки с осенней коллекцией. – Всё, выхожу из магазина.

– Ты ходила по магазинам? – шипит Виола.

– Ну да. Чуть-чуть. Буду у тебя через пару минут. Я совсем рядом. Пока. Целую.

И телефон отправляется в сумочку.

На эскалаторе я пробираюсь мимо стоящих друг за другом парней. Они провожают меня вожаделенными взглядами.

Ладно хоть слюни не пускают и смотрят молча. Как они мне надоели. После комы я здорово изменилась. С тех пор как из девочки я превратилась в девушку, меня рассматривали только как приложение к парням. Спишь с ними – шалава, отказываешь – динамщица. Свободна – на тебя охотятся, занята – называют «Элис и Ко (вставьте имя парня)».

Похоже, я забыла, каково это – быть просто Элис.

Через десять минут я у кабинета Тимоти, как раз вовремя. Лавандовое платье перекочевало в сумочку, чтобы не провоцировать Виолу. С неё станется прожечь меня обвиняющим взглядом. Ви – моя лучшая подруга, и я её очень люблю, но иногда она всё же перебарщивает со своими ханжескими замашками.

Сейчас она просто с облегчением улыбается, заметив меня. Ей явно не хотелось встречаться с Тимоти в одиночку. И неудачный подарок для мамы уже не кажется мне концом света.

– Доброе утро, – киваю я вечно хмурой секретарше.

Она натянуто улыбается в ответ, приветствуя нас:

– Доброе утро. Вас ждут.

В отделанном дубовыми панелями кабинете Тимоти я всегда чувствую себя как в гробу. В просторном, роскошном гробу. Несмотря на нестерпимую жару – на столе редактора хоть яичницу жарь! – у меня по спине пробегает холодок.

Тимоти радушно улыбается нам.

– Дорогие мои, – мурлычет он, обнимая нас по очереди.

Наш редактор молодится, делает вид, что ему ещё нет тридцати, однако нам-то давно понятно – Тимоти скоро сорок. Под стильным костюмом прячется пивной живот, а Ви однажды разглядела намёк на лысину.

– Как я рад вас видеть, девочки. Садитесь, садитесь... вот сюда.

Он кивает на кожаные кресла в углу, рядом с книжными полками, занимающими всю стену, до самого потолка. Одна из полок явно сделана из крышки большого концертного рояля, где место струн и молоточков заняли ряды книг. Мои родители тоже любят такую вычурную мебель. По мне, так полный отстой.

На столике нас дожидается кофейник, чашки и шоколадное печенье. Я опускаюсь в кресло рядом с Виолой, откидываюсь на спинку и сдвигаю солнцезащитные очки на лоб. С Тимоти надо держать ухо востро, никогда не давать слабину. «Главное, правильно выбрать маску и не снимать её, что бы ни случилось, – как говорит папа. – Пусть мир видит тебя такой, какой ты сама хочешь себя показать».

Тимоти садится напротив.

– Элис, ты восхитительна! – выдыхает он, расплываясь в улыбке. Его зубы так нестерпимо сияют белизной, что мне хочется снова опустить на глаза тёмные очки. – Когда по «Песни повешенных» снимут фильм, мы непременно поды-

щем тебе в нём роль, хоть бы и небольшую. Кого-нибудь из гемов, естественно. Это привлечёт к тебе новых обожателей.

Я вежливо улыбаюсь в ответ.

«Какие глупости. Всем известно, что мы с Виолой просидели целый год в четырёх стенах, а скоро начинаем учиться в университете».

Тимоти смотрит на Виолу и продолжает:

– Дражайшая Виола, как себя чувствует твой брат?

– Без изменений, – отвечает она.

Я стискиваю её руку в знак поддержки, но мне и самой нужно ощутить рядом родную душу. От тоски по Нейту у меня болит сердце.

Тимоти печально вздыхает.

– Мне очень жаль, правда, я так тебе сочувствую.

Но в следующее мгновение его грустные, как у спаниеля, глазки мгновенно меняют выражение – Тимоти пугающе быстро переходит к делу.

– Итак... я пригласил вас, чтобы обсудить кое-что очень важное с глазу на глаз. – Он берёт кофейник, наклоняет носик над чашкой, но замирает в последний момент, будто собираясь открыть страшную тайну: – Вашу следующую книгу.

«Вот так сюрприз!»

У меня даже голова слегка закружилась.

– Да! Мы с Виолой тоже об этом думали. Наша подруга играет на виолончели, и мы могли бы развернуть сюжет на фоне симфонического оркестра...

Тимоти смеётся.

– Нет, нет, что вы? Пора завершить трилогию «Танец повешенных».

Мы с Виолой ошеломлённо переглядываемся. У Ви странное выражение лица: не понять, о чём она думает. Знаю, что Виола даже говорить о третьей книге боится. Я особо не спрашивала. Не хотела лишний раз мучить. Ей и так досталось – Нейт в коме, родители сходят с ума от беспокойства.

Виола, кажется, лишилась дара речи, застыла – иначе её гробового молчания не объяснить.

Я отвечаю:

– «Танец повешенных» не трилогия.

Тимоти подаёт мне чашку кофе. Чертовски горячо, но я буду не я, если покажу, что обожглась.

– Да ладно, Элис, – оценивающе глядя на меня, цедит он. – Это антиутопия. Бог любит троицу – и в горе, и в радости.

К Виоле наконец-то возвращается голос, и она прерывисто произносит:

– Третьей книги не будет. Мы написали вторую и заключительную часть дилогии, и вам это известно. Название выбрали соответственно – «Песнь повешенных», что-то вроде лебединой песни. Персонажи теперь живут в мире, который им нравится. Там и Нейту было бы хорошо. Я понимаю, всё это звучит слегка безумно, но...

Тимоти таращится на нас, как будто сейчас завопит: «Да, чокнутые мои, безумнее некуда!»

– Мы хотим, чтобы у книги был счастливый конец, и в этом нет ничего ужасного, – сообщаю я.

Виола благодарно улыбается.

– Но хотя бы выслушайте меня! – Тимоти молитвенно складывает руки. – «Песнь повешенных» вышла всего два месяца назад и мгновенно завоевала международную популярность. Вы превратили антиутопию в утопию. Однако осталась одна маленькая проблемка. – Он отхлёбывает кофе, нагнетая напряжение. – Утопии – отстой.

– Прошу прощения, я не ослышалась? – церемонно интересуется Виола.

С ней такое бывает, если ошарашить хорошенько. Ви как будто стареет лет на пятьдесят и разговаривает как моя бабуля.

– Это общеизвестный факт, – кивает Тимоти. – Вы же видели вчерашнюю рецензию? К мнению «Антиутопии дейли» прислушивается слишком много читателей, и мы не можем притвориться, что ничего не заметили.

– Рецензия – всего лишь чьё-то мнение, – изрекает Виола, вспомнив слова Кейти.

Тимоти скептически поднимает брови.

– Критики в чём-то правы. Наш мир страшен, а будущее неопределённо. «1984» и «Рассказ служанки» побили рекорд популярности не на пустом месте. Читателям не нужен недостижимый, сказочный финал. Они хотят читать о своих страхах, о трудностях в своей, более-менее узнаваемой среде

обитания.

Тимоти подхватывает тарелку с шоколадным печеньем и суёт её прямо под нос Виоле.

– Угощайся!

– Ой нет, спасибо, – отвечает она.

Забрав у Тимоти тарелку, я ставлю её на стол. Никому не позволено впихивать еду моей лучшей подруге!

– Тимоти, скажи честно, ты эту речь репетировал перед зеркалом? – саркастически интересуюсь я.

– Да, и не раз. Неужели сразу догадались, милые вы мои?

Вот всегда он так. Говорит гадости самым очаровательным тоном. Как будто заворачивает всякую дрянь в разноцветные обёртки. Развяжешь большущий красный бант, аккуратно снимешь сто слоёв папиросной бумаги, а там – дерьмо. Ни больше ни меньше.

– Мы наблюдали за вашими фанатами и в чатах, и в блогах, отслеживали фанфики, смотрели видеоблоги... и пришли к однозначному выводу. – Тимоти встаёт с кресла и направляется к книжной полке-роялю. Мне бросаются в глаза тёмные волоски, пробивающиеся на его гладко выбритом подбородке. – Фандом голоден. А что делают с голодными?

– Кормят, – отвечаю я.

– Правильно, – кивает он. – И наш фандом жаждет очередной порции драматических событий, борьбы, противоречий.

– Да, жить в нашем мире страшно, – громко и отчётливо

начинает Виола, – но разве читатели не ищут в книгах спасения, тепла и доброты? Ведь в самые трудные времена люди обращались к сказкам в поисках лучшей жизни, где есть любовь, дружба и утешение. Волшебные истории всегда дарят надежду.

Тогда Тимоти поворачивается к полке-роялю и одну за другой снимает с неё книги.

– Виола, ты говоришь о сказках для младенцев. Ваша аудитория – в основном подростки, старшеклассники и студенты. – Он театрально раскладывает книги веером на столе, и я читаю названия на обложках: «Дивергент», «Заводной апельсин», «Рассказ служанки», «1984», «Голодные игры». – И этих подростков мучает паранойя. Они постоянно ощущают присутствие Большого Брата, выискивают сюжеты о насилии и настигшей злодеев каре – ведь они видят это каждый день по телевизору, в Интернете и прочих средствах информации. Юные тела жаждут секса, повинуюсь буйству гормонов. – Тимоти триумфально выкладывает на стол последнюю книгу, «Танец повешенных» Салли Кинг, и провозглашает: – Читатели ждут вот этого: трагедий, страсти, потерь... Вот почему «Антиутопия дейли» изменила рейтинг вашей книги, дорогие мои, – критики чувствуют, куда дует ветер, они кормят голодного зверя. И вам пора заняться тем же.

– Но мы же предупреждали... – звенящим от напряжения голосом напоминает Виола. – С самого начала мы сказали, что напишем только одну книгу. И вы обещали, что так и

будет.

«Ви бледная как смерть. И что она уцепилась за эту “одну книгу”? Надо бы выяснить, что на неё нашло, но потом, пока беднягу не стошнило прямо на столик с кофейными чашками».

Тимоти медленно выдыхает.

– Вот что. Приходите в субботу на «Комик-Кон». У нас с Расселом Джонсом, который играет Уиллоу, назначена встреча с читателями.

– Мы знаем, кто такой Рассел Джонс, – выпаливаю я, но Тимоти продолжает, будто не замечая моего раздражения.

– Приходите, взгляните на ваших страстных поклонников, подпишите пару книг... и сами увидите, как читатели ждут третью часть «Танца повешенных». На «Комик-Коне» всегда необычная атмосфера – там фандом обретает особую силу.

От одной мысли о возвращении на «Комик-Кон» у меня кружится голова, а сердце частит как бешеное. Когда мы отправились туда в прошлый раз, случилось землетрясение, мы потеряли сознание и очнулись в больнице спустя целую неделю. А Нейт до сих пор не вышел из комы. Странные мысли вертятся у меня в голове: обрывки, которые нет сил додумать. Непрошенные воспоминания вгрызаются в мои сны, а к глазам подступают слёзы от титанических усилий НЕ ДУМАТЬ о том, что случилось.

«Нет. Ни за что на свете я не пойду на “Комик-Кон”».

Опустив на глаза тёмные очки (вдруг подступят слёзы!), я поднимаюсь с кресла, расправляю плечи и обращаюсь к Тимоти самым язвительным тоном:

– Дорогой Тимоти, на «Комик-Кон» мы не придём, и не надейся. И если сам не понимаешь почему, значит, в тебе не осталось ничего человеческого.

Я намеревалась выйти из кабинета вместе с Виолой, величественно, по-королевски, облив Тимоти напоследок презрением, однако дорогу загородил письменный стол.

Воспользовавшись заминкой, Тимоти хватает меня за руку сухими сильными пальцами.

– Прошу вас, дорогие мои, не отказывайтесь так сразу. Подумайте. – И когда мы уже стоим на пороге, распахнув дверь, швыряет нам вслед очередную гадость: – Вы такие талантливые! Не хотелось бы отдавать продолжение вашей книги другому писателю.

Глава 3

– Элис —

Мы с Виолой молча бредём к станции метро. Голова у меня раскалывается, а тело будто налито свинцом. Даже шум центрального Лондона сегодня только действует мне на нервы.

– Он же не позволит кому-то ещё написать третью книгу, – наконец произносит Виола. – Мы придумали новых персонажей, да весь сюжет изменили! Нельзя же просто отдать нашу книгу другому писателю. Это же воровство!

– Наверное.

– А что сказано в контракте?

Наш договор с издательством я помню очень хорошо. Виола тогда не отходила от Нейта, и вникать во всю эту юридическую чепуху пришлось мне. Я показала контракт Оливии, нашему литагенту, и она подтвердила, что всё составлено честно, – если издательство или наследники Салли Кинг позволят, то кто угодно сможет написать продолжение к нашей книге. Ведь главных героев и основной сюжет придумали не мы.

Во рту непривычно горчит, и я нервно сглатываю.

– Не помню. Эти чёртовы литагенты вечно чего-нибудь напридумывают. Они даже хуже редакторов.

– А может, нам поговорить с Оливией? – задумчиво спрашивает Виола.

У меня в груди поднимается волна настоящей паники.

– Зачем? Что теперь изменишь?

– Элис, третьей книги быть не должно, понимаешь? И не важно, кто её может написать. Не знаю, как объяснить, но я чувствую, что героев «Танца повешенных» надо оставить в покое. Мы придумали хороший конец во второй части, что бы там всякие критики ни писали. У наших героев появилась надежда, перед ними открылись новые возможности... Они теперь свободны и пусть живут, как пожелают.

Виола разволновалась не на шутку, и меня это беспокоит. Почему для неё это так важно? Говорит, что не может объяснить. А на самом деле – это я боюсь спросить. Мне страшно задать даже один из вопросов, на которые у меня нет ответа. Не хочу тревожить едва затянувшуюся рану. И безотчётно прибавляю шаг, уверенно впечатывая каблуки в твёрдый, неподдающийся асфальт.

– Виола, я знаю, тебя бесит этот разговор, но герои книг – всего лишь выдуманные персонажи. Даже Нейт. Конечно, мы приписали книжному Нейту качества твоего младшего брата, но только чтобы посмотреть, как он раздуется от гордости, когда узнает... однажды.

– А, ну да... Кстати, он до сих пор в коме и не слышал о

второй книге.

Она будто ударила меня этими словами.

– Я помню, – тихо отвечаю я. – Ведь я тоже его люблю.

За углом над входом в метро сияет знакомая эмблема.

– Конечно, – уже мягче отзывается Виола, касаясь моей руки. – Прости.

Я обнимаю её за худенькие плечи и на секунду крепко прижимаю к себе.

– Ничего. Нам обоим его сильно не хватает, и оттого всё кажется ещё... страшнее.

Мы спускаемся на станцию, и я шурюсь, пытаюсь разглядеть ступеньки сквозь тёмные стёкла очков, которые и не подумала снять.

– Знаешь, давай позвоним Оливии, – настаивает Виола. – Просто убедимся, что Тимоти не блефует.

«Ох, понеслось...»

Во рту опять знакомый горький привкус. Наверное, так просыпается моя совесть, напоминая об ошибках. Давно надо было рассказать Виоле о контракте.

Когда лестница наконец-то заканчивается, я беру подругу за руки и смотрю ей в глаза. Сделав глубокий вдох, с трудом выговариваю:

– Он не блефует, Ви.

– Так ты знала? – мгновенно помрачнев, резко спрашивает она. – Ты давно знаешь, что кто угодно может написать продолжение, если мы откажемся?

С такой болью Виола смотрела на меня давным-давно. Ей было четыре года, и Гарри Уолш толкнул её прямо в колючие кусты возле детского сада. Она даже плакать не могла от боли. Тогда я её спасла, прогнала обидчиков. А на этот раз Гарри Уолш – это я. Нет, ещё хуже, я колючая живая изгородь.

– Оливия уверяла, что ничего не поделаеть.

Как странно. Мой голос звучит так холодно, а в груди полыхает горячее пламя. И я с невероятным трудом сдерживаю слёзы.

– Хоть бы мне сказала, – роняет Виола.

– И что бы ты сделала?

– Не знаю... Я бы попыталась переписать договор.

Виола освобождается от моих рук и идёт к поездам. Нет, она не отгораживается от меня, просто не в силах даже взглянуть в мою сторону.

– Я подумала, что это не так уж важно, – мямлю я, догоняя подругу.

– Ты всегда знала, что для меня это очень важно. – Она внезапно останавливается, будто ошарашенная неожиданным открытием. – Ты всё это подстроила?

– О чём ты?

– Ты знала, что, если редактор пригрозит отдать книгу другому писателю, я соглашусь взяться за третью часть.

Она в ярости шлёпает проездным билетом по турникету. «Ничего себе. Опять удар – и прямо в больное место».

– Чёрт! Ви, я тебе кто, главарь мафии?

Мы идём по платформе, и к скрипу моих туфель от Jimmy Choо добавляется шорох и свист приближающегося поезда.

Виола не отрываясь смотрит на разинутую пасть тоннеля.

– Я тебе не верю, – шепчет она.

Налетевший ветерок сдувает мои локоны, открывая шею. Виола больше не моя подруга Виола. Она такая же как все девичьи, судачащие о высоте моих каблуков. От накатившего гнева сердце горит огнём. Я хватаю Виолу за руку и поворачиваю к себе.

– Так что ж ты тогда дружишь со мной? Ведь я такая стерва.

Гнев, пылающий в моей груди, отражается на лице Виолы: подбородок упрямо выставлен, ноздри трепещут.

Вихрь от приближающегося поезда разметал её волосы, поднял короной над головой. Сейчас Ви похожа на Кэрри Уайт из ужастика Стивена Кинга. Хорошо, хоть распятия поблизости не видно.

– Значит, если я откажусь, ты напишешь продолжение сама, без меня? – перекрикивая шум, спрашивает Виола.

Поезд всё медленнее ползёт мимо, и я вижу своё отражение в окнах вагонов: из-под тёмных стёкол очков бегут потёки чёрной туши. Представляю, что сказал бы папа, но мне всё равно.

– Конечно нет! Что ты несёшь?

– Ты предавала меня и раньше! – кричит она.

И тут мы обе застываем на месте, цепенеем в толпе туристов, выходящих из вагонов.

– Когда? – наконец выдавливаю я. – О чём ты говоришь?

Виола только растерянно трясёт головой. Ну всё, дух Кэри её покинул, и теперь Ви беспомощно смотрит на меня, не зная, что же ответить.

«Как же узнать, что на неё нашло?»

Однако Ви вырывает свою руку из моей и, подхваченная потоком пассажиров, исчезает в дверях вагона.

Я даже не пытаюсь идти следом.

– Когда? – почти беззвучно спрашиваю я, стоя на платформе и глядя на Ви сквозь окно поезда.

Она остановилась недалеко от двери и держится за жёлтый поручень, как будто он один не даёт ей рухнуть на пол.

– Виола, когда? – снова беззвучно спрашиваю я.

Но поезд трогается, и Ви на меня не смотрит.

— *Виола* —

В ту ночь мне снова снится странная пожилая женщина.

Я в саду, среди фруктовых деревьев. Шелестят зелёные листья, сквозь ветки пробивается золотистый солнечный свет, веет густым летним ароматом. Тени от переплетённых ветвей паутинкой пляшут по моей коже. Кажется, я помню это место. А вот и она. Женщина стоит ко мне спиной, а когда поворачивается, я вижу её необыкновенные, яблочно-зе-

лѣные глаза.

Она медленно опускает и снова поднимает веки.

– Виола, дитя моё. Как я рада вновь тебя видеть.

– Куда ты пропала? – спрашиваю я.

Когда я очнулась от комы, женщина снилась мне почти каждую ночь, прогоняла кошмары, что-то ласково объясняла. Но вот уже несколько месяцев она не приходила.

– Я была тебе не нужна, дитя моё, – улыбается она.

Внезапно небо темнеет, облака сбиваются в плотный серый навес, который высасывает из воздуха летнее тепло. Старуха стремительно подходит ко мне (гораздо быстрее, чем обычно передвигаются её ровесницы) и крепко берёт меня за руки. У неё на удивление сильные пальцы, и я едва не вскрикиваю от неожиданности.

– Больно!

Но она не выпускает меня, держит железной хваткой.

– Третьей книги быть не должно, Виола. Вы с Элис пре-
взошли самих себя, вернули нам свободу и даже более того. Вы разорвали порочный круг, и теперь мы счастливы.

– Но это всего лишь книга, – пытаюсь вырваться из цепких рук, оправдываюсь я.

– Ты правда так думаешь?

Капли дождя падают женщине на лицо, оставляя на нём мокрые следы.

У меня хрустят пальцы. Я выворачиваю ру-ки, пытаюсь стряхнуть упрямую старуху, но она гораздо сильнее. В конце

концов я оставляю бесплодные попытки освободиться.

Вместе с зеленоглазой старухой я смотрю сквозь просветы между ветвями и листьями в суровое серое небо.

«Откуда мне знакомо это место?»

Я бывала здесь раньше. Наверное, если покопаться в памяти, забраться поглубже, нырнуть в омут непонятных звуков, запахов и мелькающих картинок, я что-нибудь обнаружу. Однако самое важное ускользает, кусочек головоломки не даётся в руки.

«Неужели это действительно всего лишь книга?»

Я качаю головой.

– Нет, всё гораздо сложнее.

Старуха широко, будто собираясь зевнуть, открывает рот, и я вижу очертания зубов под её дёснами.

– Всё пришло в движение, ветер переменился, и я не в силах ничему помешать, – произносит она.

Ветер треплет её волосы и длинную юбку, донося до меня аромат лилий и дыма.

– Что это значит? – спрашиваю я.

Облака обрушиваются ливнем, выливая на землю потоки воды. Секунда-другая – и я промокаю до нитки.

– Мои силы уже не те, что прежде, – перекрикивая стихию, отвечает старуха. – Нейту ничего не угрожает, по крайней мере, сейчас. Будущее таит опасность... в обоих мирах.

И за мгновение до того, как всё плывёт у меня перед глазами, а летний сад превращается в светлые стены спальни,

она кладёт ладони на мои слипшиеся от дождя пряди на висках и говорит:

– Пришла пора вспомнить всё... крошка-цветок.

Я просыпаюсь внезапно – вся в поту, сердце гроыхает, в ушах звенит, а в голове вертится одна-единственная, но очень ясная мысль: «Эта странная женщина – Бабба».

Не персонаж книги или фильма. И не выдуманная литературная героиня. Настоящая, живая Бабба, которая читает мысли и говорит загадками.

Я подсказываю на кровати, жадно хватая ртом воздух.
«Бабба живая».

Конечно, как же иначе. Теперь это совершенно очевидно. Я помню её мягкую кожу, открывающую дёсны улыбку, боль, которая вспыхнула у меня в голове, когда Бабба коснулась моих висков.

«Бабба настоящая».

И тогда на меня нисходит озарение.

– Тот мир существует на самом деле, – шепчу я.

Звучит ужасно глупо, и я повторяю ещё раз, погромче:

– Мир «Танца повешенных» существует.

Я сбрасываю одеяло. Пижама совершенно промокла от пота и липнет к телу.

– Я там была.

И впервые после пробуждения год назад в больнице мои мысли проясняются, я больше не барахтаюсь в киселе, пыта-

ьясь разобраться в воспоминаниях. Кусочки мозаики, звуки и запахи сплетаются в понятное и бескрайнее полотно.

«Это карта.

Нет. Нечто большее.

История.

Это моя история – со взлётами и падениями, потерями и обретениями, ужасом и предательством.

Я всё вспомнила.

Роза погибла. Я заняла её место. Влюбилась в парня с глазами цвета голубого льда. Эш... Эш настоящий! Самый настоящий...»

Попытавшись встать с кровати, я падаю на пол.

– Я ела рагу из крысы, – сообщаю я коврику.

Перед моим мысленным взором вереницей проносятся дубликаты, двойники гемов, безногое тело двойника Уиллоу. Я вижу сияющее на солнце острое лезвие, занесённое над моим братом. «Нейту едва не отрубили руки!» Разглядываю собственные запястья, будто впервые заметив голубоватые вены. Чувствую шершавую кору огромного дерева, на которое я каким-то чудом взобралась, чтобы увидеть переплетённые загорелые тела – Элис и Уиллоу в постели. «Она предала меня. Я так и знала». Из окон борделя струится тёмно-вишнёвый свет, дымится горящая плоть, корчатся тела в пламени вертолёта гемов. Неумолимо завывает больничный аппарат – у истекающего кровью на моих руках Нейта остаётся сердце. Последний взгляд его карих глаз был

прикован к звёздам.

«Его ранили в перестрелке. Я всегда знала, что шрам у Нейта на животе появился не просто так».

Я ищу на себе точку, в которую попала пуля, и не сдерживаю слёз. Вспоминаются железные щупальца, вытянувшие меня из реки. Встреча с президентом Стоунбеком. Его рассказ о бесконечном круге событий. О фандоме.

– Господи боже мой, – потрясённо шепчу я. – Фандом. Коллективное сознание. Мы оживили целый мир.

Я снова стою на эшафоте с петлёй на шее.

– Я тоже тебя люблю, – едва слышно выдыхаю я, поглаживая цепочку с половинкой сердца.

«Ради меня Элис пожертвовала всем.

А потом меня вздёрнули.

И я умерла».

Я натываюсь взглядом на обложку «Песни повешенных» на стене.

«Теперь всё понятно. Бабба перенесла меня в мир “Танца повешенных”, чтобы я вернулась и написала продолжение о победе дефов, разорвала порочный круг и не позволила гемам править вечно».

Я вдруг начинаю глупо хихикать, сообразив, что зайдя кто-нибудь сейчас ко мне в спальню, решат, что перед ними помешанная – стоит на коленях у кровати, рыдает, соплет до пола, и к тому же посмеивается.

А мне всё равно: если фандом действительно создал па-

раллельную вселенную, оживил мир «Танца повешенных», тогда всё, что мы с Элис написали во второй части, тоже существует на самом деле.

Я крепко обхватываю себя руками за плечи, страшась поверить собственным мыслям.

«Где-то далеко-далеко, в другом мире, мой младший братик жив и здоров».

Глава 4

— Элис —

Всю дорогу до дома я прокручиваю в голове слова Виолы: «Ты предавала меня и раньше». Что она хотела сказать? Мы обе, конечно, не ангелы и вляпывались пару раз в истории, когда были желторотыми и только искали себя, но особых ран друг дружке не нанесли. Не припомню ничего постыдного, что можно вдруг бросить мне в лицо спустя годы. И я никогда не предавала Ви. Никогда не выдавала её секретов, не писала в Твиттер о её тайнах, не крала у неё парней.

Вот и мой дом. На солнце он всегда кажется слишком массивным, тяжеловесным. Зимой он выглядит гораздо лучше. Наверное, привык к холодным ветрам. Кстати о холоде... мама сидит на кухне, открытый журнал подпирает бутылка шампанского.

«Рановато для алкоголя».

Мама в платье-рубашке от Calvin Klein, локоны красиво уложены. Как всегда – прелестна. Приятно всё-таки быть «портретом» такой мамы, даже в груди больно от вспыхнувшей гордости.

– Привет, – говорит мама, не оборачивая ко мне головы.

– Привет.

– Отец задерживается на работе, и я заказала нам суши.

– Спасибо.

Я достаю из холодильника сок и наливаю в бокал. Мама хмурится. Похоже, мне предстоит прослушать очередную лекцию о вреде сахара. Или сегодня запланирован ликбез по фруктовым кислотам? Однако мамин взгляд падает на лоскут лавандовой ткани, торчащий из моей сумочки.

– Купила что-нибудь симпатичное?

Я с деланой небрежностью пожимаю плечами.

– Всего лишь подарок тебе на день рождения.

– Только не одежду! Ты всегда выбираешь неправильный размер.

– Нет, что ты, – с фальшивой улыбкой уверяю я и выпиваю сок одним глотком. Наливаю ещё один бокал и отправляю его вслед за первым, однако упрямая горечь во рту не уходит.

– Элис, ты нормально себя чувствуешь? – спрашивает мама.

– Всё в порядке.

– А выглядишь странно.

– Я в порядке.

Я давно обнаружила, что, если несколько раз повторишь: «Я в порядке», сама начинаешь в это верить. А когда я хорошо выгляжу, то окружающие мне верят. «Конечно, с ней всё в порядке. Она же в Gucci, и у неё прекрасный цвет лица».

Так вот, всё не в порядке. Не сегодня. Сейчас меня будто

вывернули наизнанку.

Сначала Виола. Теперь этот разговор.

Взлетев вверх по лестнице, я запикиваю новое платье в бак для грязного белья.

На следующий день меня будит короткий звонок телефона. На экране светится имя Ви. Я с облегчением выдыхаю. Протирая сонные глаза, открываю эсэмэску:

Срочный сбор, 9 утра, кафе «У Фрэнка». Целую.

«Слава тебе господи! В конце – “целую”!»

Я тут же отстукиваю ответ:

Если я вылезу в такую несусветную рань из кровати, ты простишь мой ляп с контрактом? Целую.

Я нетерпеливо постукиваю по экрану, считая миллисекунды до ответа. Приходит целых два сообщения!

Нет, кофе тебе куплю. Целую. Хотя, может, и плюну в чашку. Ничего не обещаю.

Кейти врывается в наш чат в своём бесподобном стиле:

Вы разбудили меня, черти лысые!

Прикусив губу, я торопливо печатаю: «Когда я тебя предала?» Заношу палец над кнопкой «Отправить» и замираю. Страшно начинать этот разговор, расковыривать засохшую рану. Стоит только начать, и на поверхность выплеснется нечто ужасное. В этом нет ни малейших сомнений. И я стираю последнее сообщение, не отправив. Чувствую себя при этом странно уязвимой.

Натянув джинсы, подкрашиваю губы любимой алой помадой – пусть этот цвет разбудит во мне дремлющего воина. Ничего не получается, воин спит, и я крадусь вниз по лестнице. Даже в ванну не захожу, чтобы не будить родителей. Семейных бесед на рассвете я просто не вынесу. Хватаю сумку, даже не заглянув на кухню выпить сока, и спешу к двери. Когда я уже надеваю туфли, на верхней ступеньке лестницы появляется мама в шёлковом кимоно.

«Вот чёрт!»

– Куда это ты так рано? – спрашивает она.

– Мы завтракаем втроём, с Виолой и Кейти.

Я вожусь с туфлями на каблуках – модель очень простая, ни шнурков, ни пряжек – просто тяну время.

Мама спускается на пару ступенек, показывая из-под кимоно ногти с педикюром.

– Я думала, вы с девочками раньше одиннадцати утра в кафе не встречаетесь.

Растянув губы в притворной улыбке, я честно смотрю ма-

ме в глаза.

– Мы тренируемся вставать пораньше. Скоро в университет. Нельзя же вечно спать допоздна.

– Из всей косметики – только алая помада? – замечает мама.

Я только недовольно ворчу в ответ.

– Сделать тебе капучино? – вдруг спрашивает мама. – Я могу включить кофеварку.

«Очень странно. Мама редко сама варит кофе. Может, обнаружила в баке для грязного белья лавандовое платье?»

Честно говоря, я надеялась, что так и случится. Очень хочется сказать: «Да», подождать, пока мама сварит мне кофе и окружит заботой, но после вчерашней стычки с Виолой и обвинения в предательстве, я решила явиться на встречу с подругами вовремя, для разнообразия.

– Спасибо, мам, в другой раз. Я выпью кофе с девочками.

Пожав плечами, мама возвращается в спальню, не удостоив меня на прощание даже коротким: «Пока».

В кафе «У Фрэнка» я влетаю ровно в девять. Мы часто встречаемся здесь, прежде чем подняться в палату к Нейту. Собираемся с силами и накачиваемся кофе. Сегодня Виола заказывает напитки. Даже издали заметно, как она напряжена. Наверное, успела проглотить не одну чашку крепкого кофе. У неё на шее цепочка с половинкой сердца – значит, Ви меня простила.

Я останавливаюсь с ней рядом, не решаясь коснуться плечом, как сделала бы ещё вчера.

– Привет, – говорю я.

– Привет, – с улыбкой отвечает Ви.

Она явно толком не причесалась, выходя из дома, да и душ тоже не принимала и всё же выглядит на редкость жизнерадостно. Давненько я её такой не видела. Хочется обнять Ви покрепче, но я всё ещё боюсь, что она меня оттолкнёт.

– Прости меня, – виновато качаю я головой. – Мне надо было давно рассказать тебе о контракте. Просто ты так беспокоилась о Нейте, думала только о нём. – Я опускаю глаза, рассматривая пол в кафе, вдруг явственно представив себе Нейта на больничной кровати. – Мы все думали о нём.

– Да. И ты меня прости. Ты бы никогда не написала третью книгу без меня, я знаю. Просто... ужасно разозлилась.

– Да уж, – криво усмехаюсь я. – Твоей ярости позавидовал бы Халк.

Виола забавно рычит, изображая Халка, и я прыскаю со смеху. Сегодня ничто в ней не напоминает кошмарную Кэрри, скорее она похожа на сердитого попугая. Тянет спросить о предательстве, но не хочется будить зверя.

– Что такого важного ты хотела нам рассказать? – спрашиваю я, как только мы устраиваемся с чашками кофе за угловым столиком.

Виола сидит напротив, выпрямив спину, и сосредоточенно хмурится. Ей очень хочется мне что-то сказать, однако

она сдерживается, молча помешивая капучино деревянной палочкой. Густая молочная шапка окрашивается коричневыми полосками – крошки корицы превращаются в тонкие дорожки.

– Давай дождёмся Кейти.

– Ой, не будь занудой! Ты же знаешь, как я ненавижу сюрпризы.

– Дождёмся Кейти.

Меня медленно, но верно переполняет раздражение. Пока Кейти нас знать не знала, Ви никогда не заставляла меня изнывать от любопытства. Будто подслушав мои мысли, у двери появляется Кейти и тут же направляется к нашему столику, сияя широкой улыбкой.

– Какого Дональда Дака ты вытворяешь, Ви? – интересуется Кейти, плюхнувшись на стул рядом со мной. – Девять утра! Как будто вернулись школьные годы.

– И тебе, Кейти: «С добрым утром!» – говорит Виола, придвигая подруге чашку с латте.

– Спасибо, – благодарно выдыхает Кейти.

Она сбрасывает кардиган, и я замечаю тёмные полукружия пота у неё под мышками. Кейти явно торопилась, бежала по Лондону в такую рань. В одном мы с ней всегда были похожи: мы любим Виолу.

– Теперь расскажешь? – спрашиваю я.

– Да, что за важное дело? – поддакивает Кейти. – Мы же потом всё равно пойдём к Нейту, да?

Виола кивает.

– Только сначала мне надо вам кое-что сказать. Очень и очень важное.

Она резко втягивает воздух, открывает рот и вдруг застывает как каменная, не издав ни звука.

– Ви? Ты что? Примёрзла? – спрашиваю я, щёлкая пальцами у неё перед носом.

Кейти отхлёбывает латте.

– Эй, сокровище ты наше, очнись. Драматическая актриса у нас Элис, не занимай её место.

Кейти подмигивает мне, и я тихонько хихикаю.

Виола встряхивает головой.

– Ладно. Сейчас. Но вы должны пообещать, что не подумаете, будто я чокнулась. Покляннитесь, что дослушаете до конца.

– Слушай, мы и так уже на грани, – взрываюсь я.

«Что такого важного скрывает Ви? Собирается беречь старые раны?»

Я чувствую себя как тот парень из фильма «Сияние», когда он смотрел на двери лифта... которые открылись, а за ними – потоки крови.

Виола снова глубоко вздыхает.

– Вот уже больше года, как мы вышли из комы...

От слова «кома» у меня в голове сразу взывает тревожная сирена.

– Нет, не надо об этом, – резко прерываю я Виолу.

– Такое уж у нас негласное правило, – кивает Кейти. – Не нарушай правил, Ви, не то мы с Элис бросим тебя одну-однёненьку и найдём себе новую лучшую подругу.

Губы Кейти улыбаются, однако в глазах плещется паника.

– А почему мы об этом не говорим? – умоляюще спрашивает Виола.

Кофе у меня во рту вдруг становится нестерпимо горьким, проглотить его почти невозможно.

– Потому что очень боимся даже воспоминаний, – отвечаю я. – Мы отключились на неделю безо всяких на то причин. – Следующие слова выговорить физически больно, и я почти шепчу: – А если это повторится?

Кейти обнимает чашку с кофе ладонями, будто стараясь её утешить.

– А Нейт так и не проснулся, и это просто кошмар.

Виола склоняется над столом, нетерпеливо вглядываясь по очереди в наши с Кейти лица.

– Но и это не всё, правда? Да, нам страшно, мы боимся повторений, но боимся не только комы, потому что... потому что... – Она упирается взглядом в густую молочную пенку, будто ожидая, что верное слово появится, написанное там шоколадными линиями. – Потому что на самом деле мы вообще не были в коме.

Кейти хватается Ви за руку, словно пытается заставить её замолчать, неловко задевает своё латте, и по столу растекается светло-шоколадная жидкость.

– Перестань, Виола, хватит, – не замечая беспорядка, чеканит Кейти.

«Вот именно. Не хватало ещё слушать всякий бред. Да я с ума сойду!»

Однако Виола не умолкает:

– Скажите, вам снится что-то странное? Случаются непонятные видения? И не всякие обычные глупости, не отголоски привычных дел. Бывают у вас приступы по-настоящему ненормальных видений? Вы когда-нибудь вспоминаете что-нибудь о... том месте?

Последние два слова Ви произносит свистящим шёпотом.

«О нет. Нет, нет и нет. И думать не стану о “Комик-Коне”. И о жутковатых воспоминаниях, которые то и дело вгрызаются в мои сны».

– Это реакция на травматическое событие, – размеренно сообщает Кейти, наконец заметив лужу на столе. Она хватает салфетки и накрывает ими растёкшийся кофе. – Психолог мне всё объяснил. Странные сны и непонятные воспоминания – это нормально. После комы трудно поверить, что опасности не подстерегают нас на каждом шагу. Человек вдруг осознаёт, что смертен, – произносит Кейти, продолжая вытирать салфетками совершенно сухой стол. Она явно слово в слово повторяет то, что целый год втолковывал ей психолог. – Мы были на «Комик-Коне», видели кучу всего, связанного с «Танцем повешенных», встретились с Расселом Джонсом и Джулией Старлинг. Конечно, наши головы были

под завязку забиты сюжетом этой книги.

Виола хлопает ладонями по столу.

– Значит, тебе тоже снится «Танец повешенных»?

Кейти больше не вытирает стол, но и глаз не поднимает.

– Всё время.

Виола поворачивается ко мне:

– Элис, а что снится тебе?

«Не могу... не буду слушать».

– Элис? – не отстаёт Ви.

– Да, – хрипло выдавливаю я. – У меня тоже бывают странные сны. Кейти права: это реакция на травму или что-то вроде того.

– Нет, – решительно отвечает Виола. – Мы были там. В «Танце повешенных».

Кейти смеётся – будто звенит беспокойная птичья трель.

– Вот ты упёрлась, Ви! Не нуди!

Собрав все силы, я старательно изображаю уверенность и говорю:

– «Танец повешенных» – всего лишь книга. Этот мир не существует.

Виола подаётся вперёд.

– Прошлой ночью мне приснилась пожилая женщина. Я видела её во сне и раньше, но не знала, кто она. Может, где-то глубоко в подсознании знала, но отказывалась помнить, как вы. Это Бабба. Бабба из «Танца повешенных». Она освободила мою память. Понимаете, все эти непонятные картин-

ки и воспоминания вдруг обрели смысл. В прошлом году мы лежали в коме, а на самом деле находились в «Танце повешенных», целую неделю, и пытались разыграть сюжет книги правильно, довести его до конца, чтобы вернуться домой.

Мы долго молчим. У меня такое ощущение, что всё тело разом отказалось мне повиноваться. Голова отключилась. Я поднимаю глаза на Кейти, но у неё вид не лучше – она тоже перепугана донельзя.

Мои руки вдруг сами собой открывают сумочку и шарят там в поисках губной помады. Что может быть неожиданнее и глупее в такой ситуации? Нашупав пудреницу, мою любимую, со стрекозой на крышке, я достаю её и медленно пудрюсь. К тому времени, как процедура завершена, я – снова я, и моё лицо больше не кажется чужим. Бросив пудреницу обратно в сумку, я с усилием делаю глоток.

– Господи, Ви! – наконец произношу я. – Сколько же кофе ты выпила, поджидая нас?

Кейти сдавленно хихикает.

– А может, дело не в кофе? Что там подсыпали в сахарницу?

Виола откидывается на спинку кресла, в её глазах набухают слёзы.

– Я права, и вы это отлично знаете. Просто боитесь показаться чокнутыми или думать о том, с каким трудом нам удалось выбраться в наш мир. А я всё помню. Абсолютно всё. Кейти, ты подружилась с Торном. Сначала мы думали, он за-

пал на тебя, потому что ты похожа на Руфь, а потом оказалось, что вместе с Руфью погиб и его нерождённый ребёнок, девочка, и Торн решил, что ты на неё похожа. Ты спасла меня от смерти, была очень храброй. – По лицу Кейти струятся слёзы. – А ты, Элис, переспала с Уиллоу и едва не испортила весь канон. Вот почему я сказала, что ты меня предала. Только вчера я ещё не помнила, что именно ты сделала.

«И это предательство? Из-за этого она вчера так разъярилась?»

У меня звенит в ушах, а к горлу подкатывает тошнота. Если бы у нас было «слово безопасности», я бы сейчас вопила его во всё горло. Однако я просто смеюсь, негромко язвительно сообщая:

– Уж постельные игры с Уиллоу я бы точно не забыла.

Виола продолжает, не обращая на меня внимания:

– Я так на тебя разозлилась, даже подумала, что ты переметнулась на тёмную сторону. Но в самом конце, когда Уиллоу струсил и не произнёс самые важные слова, их сказала ты. И это было неподражаемо... ты сыграла бесподобно.

Кейти не отрывает от меня взгляда.

– А что стало с тобой?

– Я заняла место Розы, – отвечает Виола. – Можно сказать, превратилась в неё. Только вместо Уиллоу я влюбилась в Эша, совсем не принца на белом коне.

– Тебя повесили, – прикрыв рот ладонью, шепчет Кейти. – Я всё видела. Вместе с другими дефами я стояла в огромной

клетке, а ты была на эшафоте с верёвкой на шее. Потом палач опустил рычаг, и... – Она порывисто хватает Виолу за руку. – Я смотрела, как тебя вздёрнули и ты умерла.

Виола смеётся от облегчения тем странным смехом, какой вырывается у плачущих, и тогда их слёзы брызжут во все стороны.

– Да! Всё правильно. Я должна была поставить в сюжете точку, чтобы перенести всех нас обратно, домой.

Кейти тоже начинает плакать. На нас уже оглядываются – странные девицы, то плачут, то смеются, ещё и кофе пролили. И вдруг вместо ужаса меня охватывает гнев. Виола не просто заговорила о запретном, а Кейти её поддержала! Они не просто потревожили едва зажившую рану, а нанесли новую, очень глубокую.

Трепеща от ярости, я хлопаю ладонями по столу.

– Всё! Хватит! Что вы тут устроили? Какое-то безумие!

Кейти вытирает слёзы.

– Не знаю, Элис. Иногда мне снится Торн. И всё кажется таким настоящим. Мы были все вместе в странной оранжевой комнате, и...

– Да, а мне иногда снится Уиллоу, – выпаливаю я. – И что? Это ничего не значит!

– Ты отрицаешь очевидное, – сердито отвечает Виола.

«Ну вот, заразилась моей яростью».

– Мы одновременно потеряли сознание безо всяких на то причин, пролежали в коме равное количество дней, часов и

минут, и никто не знает, почему вообще мы очнулись. Вся эта история безумна сама по себе, и я предлагаю всего-то сделать ещё один шаг вперёд, – заканчивает Виола.

– Это не просто шаг. Это, чёрт его подери, великий лунный прыжок какой-то, – саркастически отвечаю я.

Кейти очень внимательно смотрит на свои ладони.

– Послушай, Ви. А как же Нейт? Почему он не проснулся?

Виола на мгновение застывает, забыв о споре. Помолчав, она произносит:

– Помните шрам у Нейта на животе?

Мы в унисон киваем.

– Это след от пули.

«Ну уж нет. Это слишком».

Я опять чувствую себя на месте того мальчишки из «Синия», только на этот раз двери лифта распахнулись, а на меня катится лавина крови. Опрокинув полупустые стаканчики с кофе, я вскакиваю на ноги, изо всех сил стараясь не завопить.

– Я больше не могу слушать этот бред!

Гнев застилает мне глаза, и я пробираюсь к двери, натываясь на столы, стулья и посетителей кафе.

– Элис, подожди! – кричит мне вслед Виола.

Я выскакиваю за дверь. Прохладный воздух приятно остужает щёки. Жаль, что я нацепила каблуки, не то понеслась бы сейчас прочь во весь дух, лишь бы не слышать этих слов: «Мир “Танца повешенных” существует».

– Элис, постой. – Виола догнала меня. – Я рассказала вам всё не просто так. Бабба говорит, что третью книгу писать ни в коем случае нельзя! – Она хватает меня за руку и поворачивает к себе. – Фандом в нашем мире создал их, оживил силой коллективного сознания. Мы не зря написали утопию. «Песнь повешенных» изменила мир, который создала Салли Кинг. Мы освободили дефов. Если появится ещё одна книга, жуткая антиутопия, как требует Тимоти, страшно подумать, что будет с теми несчастными. Разве ты сама не понимаешь?

Я ошарашенно хлопаю глазами.

– Так вот из-за чего весь сыр-бор? Убеждаешь нас, что мы съехали с катушек, а всё ради того, чтобы не писать третью книгу?

– Чёрт, Элис! Я говорю правду! И это действительно важно. Там живут настоящие люди, к тому же ты совсем позабыла одну очень важную деталь.

– Что ещё?

– Мы с тобой придумали нового персонажа, помнишь?

Слова Виолы будто пощёчины.

«Не могу... не хочу этого слышать!»

Втянув воздух, я сглатываю подступивший к горлу ком и шепчу:

– Нейт.

Виола смотрит на меня огромными карими глазами. Такими же, как у Нейта.

– Пожалуйста, Элис, помоги мне.

Не в силах справиться с охватившим меня ужасом, не желая до конца поверить, а может, страшась захлебнуться в потоках крови, я отворачиваюсь и ухожу.

Глава 5

— *Виола* —

Откуда-то сзади слышится голос Кейти:

– Пусть уходит.

Я молча провожаю Элис взглядом, а потом спрашиваю:

– Но ты-то мне веришь?

– Не знаю, Ви. Такое... нарочно не придумаешь.

Я резко оборачиваюсь к Кейти:

– Но ты же видела меня на эшафоте, сама видела, как меня повесили.

– Да, знаю, и даже вспоминается кое-что об Элис, как она запрыгнула на сцену и прокричала...

– «Я люблю тебя, Виола», – заканчиваю я за Кейти.

Она внимательно смотрит на меня, буквально пожирает глазами.

– Расскажу-ка я обо всём Кэрол, посмотрим, что она на это ответит.

– Кто такая Кэрол?

– Психолог.

– Она предложит тебе дать нам свой номер телефона.

– Возможно, это не худший выход.

Не сговариваясь, мы идём к больнице.

– На меня ничего такого не нашло, Кейти, честное слово. Мы действительно там были. Ты, я, Элис и Нейт. Все вместе... В «Танце повешенных». Пожалуйста, скажи, что веришь мне.

– Я не знаю, чему верить.

Дальше мы идём молча.

Каждый раз, открывая дверь в палату Нейта, я представляла себе, что сейчас увижу пустую кровать, туго обтянутый белой простынёй матрас, умолкшие вентиляторы и капельницы. А рядом с покинутыми приборами будет стоять Нейт. Высокий, глаза сияют, на лице улыбка. Ничего подобного, конечно, не происходило. Наверно, я сама мучила себя глупыми ожиданиями, но, когда я видела восковую кожу и безжизненное лицо брата, меня каждый раз захлёстывало разочарование.

Однако сегодня, впервые за весь год, я ничуть не разочарована. Я в ярости. Потому что теперь я знаю, почему Нейт не проснулся вместе с нами. Он погиб, умер, когда мы были заперты в мире «Танца повешенных». Конечно, научного объяснения этому факту я ни за что дать не смогу, да и мой «обезьяний мозг», если верить президенту Стоунбеку, этому зарвавшемуся мерзавцу, просто взорвётся от натуги. Но я чувствую, что с ним случилось. Когда Нейт умер в мире «Танца повешенных», его сердце остановилось и в реальном

мире. Врачи вернули его к жизни, но не до конца.

Я усаживаюсь на край кровати Нейта, дрожа всем телом от сдерживаемых мыслей. Если в параллельной вселенной Нейт на самом деле жив и здоров, то как та, другая, жизнь отражается на теле мальчика, неподвижно лежащего передо мной? Связан ли этот Нейт как-нибудь с тем Нейтом, которого придумали мы с Элис? Я рассматриваю лицо брата, пытаюсь представить, что сейчас творится у него в голове. Снятся ли ему разрушенные города, прекрасные лица или он витает в пустоте?

Подстроившись, я дышу в унисон с хрипом аппарата искусственной вентиляции лёгких – так мы с Нейтом будто связаны. Он выглядит старше, чем когда его ранили, хотя его мышцы уже почти год не работают. Мальчишеское лицо заострилось, резче выступили скулы. Когда всё случилось, Нейту было четырнадцать лет, а на вид ему давали не больше двенадцати. Помню его пятнадцатый день рождения, который наступил два месяца спустя после нашего пробуждения. В тот день я испекла шоколадный торт, как делала много лет каждый год в этот день, и подержала его у лица Нейта, у самого его носа. А вдруг он почувствует аромат? Потом мы с родителями, с Элис и Кейти спели «С днём рождения!», и в наших голосах звенели слёзы. Кто знает, может, Нейт нас слышал.

Скоро ему исполнится шестнадцать лет, и ничего удивительного, что мой младший братик превращается в юношу

и всё меньше походит на ребёнка. Жаль, что он никак не проснётся и не увидит себя в зеркале. Ведь ему всегда хотелось выглядеть взрослее. В школе злые одноклассники дразнили Нейта «малявкой» и «вечным младенцем». Я касаюсь ладонью его щеки: «Пушок на лице стал жёстче, пора бы малышу и побриться. Спрошу медсестру, может, она разрешит мне пройти бритвой по щекам брата».

Я надеялась, что, увидев сегодня Нейта, сразу пойму, как влияет на него параллельная вселенная. Однако ничего подобного. Разочарование и злость сплетаются в тяжёлое чувство, от которого немеет всё тело.

– Виола, ты как? Ничего? – спрашивает Кейти, положив руку мне на плечо и вырывая меня из совсем не радужных мыслей.

«Одной мне не справиться. Надо, чтобы Кейти тоже всё вспомнила».

Проверив, что медсестры за дверью нет, я откидываю одеяло Нейта и задираю его пижамную рубашку.

– Что ты делаешь? – изумляется Кейти.

– А самой догадаться – никак?

Красный след на коже потускнел до бледного шрама – на коже осталась неровность, слегка приподнятая и сморщенная.

– Это могло появиться от чего угодно, – пожимает плечами Кейти.

– Это след от пули. – Я опускаю пижаму и закутываю бра-

та в одеяло. – Он умер в «Танце повешенных», потому и не проснулся здесь.

Кейти хмурится.

– Я много всякой всячины помню, но вот как умер Нейт – не помню.

– Тебя там не было, вот и не помнишь.

– Потому ты и написала о нём в «Песни повешенных»? – спрашивает Кейти. – Хотела дать ему жизнь в другой вселенной?

– Может быть... Хотя в то время я об этом ничего не знала.

Кейти убирает руку с моего плеча, и я вздрагиваю от неожиданно подступившего холода. Стараясь спастись от одиночества, я глажу руку Нейта.

– В том мире ему хотели отрубить руки, – говорю я, касаясь его пальцев, – только за то, что он не надел перчатки, нарушил правила.

– Ви, тебе и впрямь пора с кем-нибудь об этом поговорить. Обратиться к специалисту. Твои воспоминания кажутся такими реальными, но это невозможно.

Не удостоив измышления Кейти ответом, я поднимаю руку Нейта с кровати и показываю на его запястье.

– Вот здесь ему связали руки. Я помню, как он был перепуган, когда стоял там на коленях, вытянув руки вперёд.

Я будто снова вижу блестящее лезвие, и от этой картины сердце у меня на мгновение замирает. Я короткими движе-

ниями касаюсь запястья Нейта, будто вычерчивая невидимую линию, по которой пришёлся бы удар сабли, не появившись так вовремя Элис. Медленно перевернув руку брата, я вглядываюсь в его бледную кожу, такую гладкую и тонкую, что из-под неё просвечивают вены, будто едва заметные реки на географической карте.

И тогда я вижу это.

В нескольких дюймах над запястьем. Маленькую тёмную отметину, похожую на родинку. Но в центре кожа по-прежнему белая, а значит, это что-то вроде крошечной татуировки, чёрное кольцо.

Я помню этот знак.

«Где же я его видела?»

Зажмурившись, я продираюсь сквозь воспоминания с огромной скоростью.

«Где я видела этот знак?»

– Виола? Ты что? – спрашивает Кейти.

– Этой отметины раньше не было.

– Ты уверена? – Она склоняется поближе, чтобы рассмотреть руку Нейта.

– Ни малейших сомнений.

– Может, родинка?

Я провожу по точке пальцем. Кожа совершенно гладкая.

– Нет, точка синеватая, как будто оставлена чернилами, да и серединки нет.

– И правда. Странно. А что, если это сделали медсёстры?

Я трясу головой.

– Зачем? С какой стати?

Она пожимает плечами.

– Я видела такой знак. Никак не вспомню где. – Опустив голову, едва не уткнувшись носом в руку Нейта, я разглядываю идеальный кружок. Края у него неровные, тёмная линия истончается, а потом снова становится шире. Рисунок слишком маленький. Ничего не разглядеть. Я недовольно выпрямляюсь. – А ты что думаешь?

– Капля чернил, – отвечает Кейти. – Медсестра, наверное, брызнула ручкой, когда заполняла ежедневный журнал.

Однако в голосе Кейти не слышно полной уверенности.

– Нет, правда, посмотри. Это же какой-то рисунок.

– Не хочу. – Голос у Кейти испуганный, но не злой.

– Кейти, ну не трусь. Пожалуйста, помоги мне.

Она несколько раз моргает, морщится, мне на мгновение кажется, что сейчас подруга развернётся и уйдёт, но, видимо, что-то в моих словах заставляет её решиться. Кейти заправляет волосы за уши и решительно склоняется над рукой Нейта.

– Да, какой-то рисунок. Что бы это могло быть? Венок?

– Нет. Вот здесь, смотри, линия совсем тонкая, а дальше опять толстый штрих, – показываю я. Рядом с крошечной отметиной на руке Нейта кончик моего пальца кажется раздутым шаром. – Не разглядеть... вот если бы через лупу.

– Ладно, Шерлок, у меня в кармане завалялось увеличи-

тельное стекло, рядом с неизменной трубкой.

Я хватаю телефон. Это очень неплохая модель, я потратила на неё почти половину аванса за книгу. Ещё обещала себе, что буду записывать с его помощью умные мысли. Но, честно говоря, мне просто хотелось завести себе нормальный мобильник. Я навожу на отметину объектив встроенного фотоаппарата, увеличиваю рисунок до предела, пока линии не начинают размываться. Щёлк!

– Гениально, – комментирует Кейти.

Она садится на кровать Нейта рядом со мной, и я чувствую, насколько сильно дрожат её колени рядом с моими.

Увеличенный снимок занимает весь экран. Это крыса, свернувшаяся клубочком крыса.

Кейти склоняет голову набок.

– Что это? Спящая мышь?

– Она не спит, – качаю я головой.

– Выглядит очень мирно и расслабленно.

– Она пожирает свой хвост. – Я показываю на открытый рот грызуна, в котором исчезло больше половины длинного хвоста.

– Фу, гадость, – кривится Кейти.

– Ну как, похоже это на чернильные брызги?

Побледневшая Кейти качает головой. Наверняка она сбита с толку или даже испугана – и это моя вина. Но я не лгала, мне действительно нужна сейчас её помощь.

– Откуда взялся этот рисунок на руке Нейта? – задаёт во-

прос Кейти. – Неужели кто-то прокрался в палату и сделал пациенту татуировку, а ни врачи, ни медсёстры ничего не заметили? Невероятно.

Я пристально смотрю в её зелёные, как свежеччищенный горох, глаза.

– Что, если этот кто-то был не из нашего мира?

Кейти бледнеет ещё сильнее. Не знала, что кровь может настолько отхлынуть от лица – её веснушки, обычно довольно светлые, мгновенно выступают на щеках тёмными пятнышками.

– Что ты хочешь сказать?

Я стараюсь говорить медленно, чтобы у подруги было достаточно времени осознать каждое слово. Но слова слетают с губ одно за другим почти без перерыва:

– Что, если это случилось с другим Нейтом, с тем, который находится в параллельной вселенной, а оттуда татуировка перешла на тело нашего Нейта?

– Как это?

Радость крошечными пузырьками бежит по моим жилам, и я тихо смеюсь.

– Они связаны, Кейти. Понимаешь?

– Кто связан?

– Этот и тот, другой, которого придумали мы с Элис. Наш персонаж из «Песни повешенных». Они связаны.

Кейти закрывает лицо ладонями.

– Виола, это не смешно. Я год ходила к психологу... целый

год.

Я осторожно отнимаю её руки от глаз, будто в надежде помочь ей яснее увидеть происходящее.

– Если Нейт действительно в той, другой, вселенной, то, может быть, я смогу вернуть его домой. И наш Нейт здесь проснётся.

Домой я добираюсь поздно, почти к ужину, ужасно усталая от волнений и недосыпа. В прихожую долетает аромат жареного цыплёнка, и мой желудок в ответ недовольно урчит. На уютной кухне, среди сияющих, нержавеющей дверей и чёрно-белых квадратиков плитки, выложенных по стене в шахматном порядке, я вздыхаю с облегчением, пусть всего на мгновение.

Мама отрывается от сковороды, смотрит на меня и подавленным голосом обращается ко мне:

– Я приготовила твоё любимое, зайка. Жареную курицу под острым соусом с гарниром.

Сегодня пятница. Сложные, «воскресные» блюда мама готовит в неурочный день, только чтобы собрать всю семью за столом и обсудить нечто важное: проваленный экзамен, наши с Нейтом ссоры и так далее. Мы с братом часто шутили: «Мама считает, что соусом можно склеить любые разбитые планы». Сегодня мама в джинсах и свитере, а не в рабочем костюме, а под глазами у неё, будто нарисованные, тёмные круги.

«Что-то здесь не то».

– Разве ты сегодня не ходила на работу? – спрашиваю я.

Избегая встречаться со мной взглядом, она качает головой.

Входит папа в футболке с портретами музыкантов группы «Нирвана» – майка наверняка завалилась у него в шкафу с прошлого века. Выходит, родители взяли выходной, и они выглядят одинаково измученными. Обстановка мне нравится всё меньше.

– Привет, солнышко. – Отец слегка касается моего темени. – Что поделывала?

Я пожимаю плечами:

– Так, ничего. К Нейту ходила.

Родители с непроницаемыми лицами переглядываются.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Мама накрывает на стол с привычной грацией женщины, которая умеет одновременно справляться и с детьми, и с работой, и с домашними делами. Папа распределяет ножи и вилки, позабыв, что класть слева, а что справа от тарелки, – как всегда.

– Так что происходит? – ещё раз спрашиваю я, раскладывая приборы правильно.

Мама подаёт еду: тушёную морковь, курицу, жареную картошку. Теперь, когда я явственно вспомнила, как в поместье Харперов, в книге «Танец повешенных», мне доставались лишь сухари, мамина стряпня нравится мне даже больше, чем всегда.

– Давайте сначала поужинаем, – говорит мама, многозначительно глядя на папу.

Терпеть не могу, когда родители таинственно переглядываются, думая, что дети ничего не замечают, а на самом деле только слепой не увидит их закатывания глаз и подмигивания.

– Лучше скажите сразу, – раздражённо требую я, – прямо сейчас.

Мы рассаживаемся как обычно. Пустой стул Нейта всегда кажется больше, чем остальные.

Папа принимается за цыплёнка.

– Мы хотели поговорить о Джонатане.

– Я догадалась. Вы прям застыли, когда я упомянула его имя. Что, доктора сообщили что-то плохое? Я же была в больнице, и никто мне ничего не сказал.

Мама нарочито медленно посыпает солью морковь и соус, и я вижу, как белые кристаллики растворяются в тёмной густой жидкости.

– Мам, соли уже достаточно. – Я протягиваю руку и забираю у неё солонку.

Она отвечает мне резким и напряжённым смехом, сдерживая слёзы. Этот смех я давно прозвала «стеклянным». За ним, как за прозрачными стенками стеклянного сосуда, ни за что не спрятать печаль.

– Может, изменился его показатель ШКГ? – наугад спрашиваю я.

Шкала комы Глазго – стандартный индекс оценки степени нарушения сознания в коме, о котором то и дело упоминают врачи. Любое снижение этого показателя – очень плохой признак.

Сердце у меня тревожно сжимается, а аромат цыплёнка больше не кажется таким уж аппетитным, в комнате навязчиво пахнет уксусом.

Папа сверлит взглядом еду на тарелке.

– Нет, не в этом дело, Виола. – Он набирает полную грудь воздуха. – Мы с твоей мамой проговорили весь день. – Взглянув на маму, он безуспешно пытается улыбнуться. – И приняли решение. Очень трудное и очень важное, и я надеюсь, ты нас поддержишь.

Эта речь мне совсем не нравится. Голова кружится, к горлу подкатывает ком тошноты.

– Какое решение?

Не сводя глаз с жаркого, папа произносит:

– Мы отзываем уход за Нейтом.

Сначала мне хочется рассмеяться – папины слова ошеломили меня, я не верю своим ушам.

– Вы отзываете уход? Что это значит?

Отец смотрит на меня полными слёз, будто стеклянными, глазами.

– Мы отключаем ему искусственную вентиляцию лёгких.

Глава 6

— *Виола* —

Моя вилка с металлическим стуком падает, и брызги соуса летят на другой конец стола.

– Что ты сказал?

Папу не узнать. Его лицо будто принадлежит другому человеку, старому и грустному. В нём не осталось искры жизни.

– Прости, милая. Но прошло уже больше года, и улучшений нет... совсем.

– Мама? – Это слово срывается с моих губ с той же интонацией, как в далёком детстве, лет в пять.

Мама встаёт и огибает стол, чтобы прижать меня к груди. В её объятиях тепло, от мамы пахнет анисом и жасмином. И я слышу, как колотится её сердце.

– Пора его отпустить, Виола. Пришло время оплакать нашего мальчика – и отпустить.

Я с силой отталкиваю её.

– Он не умер! – Мама снова пытается меня обнять, и я встаю со стула и уворачиваюсь. – Нейт просто спит.

Мама не сводит с меня наполненных слезами, всё пони-

мающих глаз. Руки у неё дрожат, и я знаю, ей до боли хочется меня коснуться.

– Он не проснётся. Доктора так сказали... а мы всё ждём, не знаю чего...

– Чуда, – говорит папа.

– Но чудеса случаются! – не сдаюсь я. – Вспомните, мы с Элис и Кейти проснулись внезапно и почти одновременно. Разве это было не чудо?

– Пожалуйста, Виола. – Мама смотрит на меня умоляюще. – Нам и так трудно, а ты постарайся нас понять.

– Я никогда не пойму, как вам пришло в голову убить моего брата!

– Мы его не убиваем, – терпеливо объясняет мама. – Мы его освобождаем.

– Чушь собачья! – уже кричу я. – Идиотизм! – Я вскидываю руки над головой. Удушающая паника в груди превращается в нечто осязаемое, твердое и острое, как клинок. – Вы с ума сошли? Убиваете собственного сына! Моего брата... И как вы до этого дошли? Долго думали? Или просто взяли на сегодня выходной и к вечеру всё решили? Как будто спланировали переезд или отпуск!

Родители замерли с таким видом, как будто я только что отхлестала их по щекам. В повисшей тишине мне вдруг кажется, что папа сейчас передумает, вот он уже взволнованно потирает лоб, но...

– Пожалуйста, ты постарайся нас понять, – говорит он.

– Вы не можете убить его сейчас. – Уже не говорю, а хриплю я. – Только не теперь. Вы не понимаете... да я и сама не очень-то понимаю, но обязательно докопаюсь... У Нейта на запястье есть знак, я пока не знаю, что это значит, но мне кажется, что они связаны. – Едва ворочая пересохшим языком, я выплёвываю эти бессвязные слова, и они жгут мне губы.

– О чём ты? – переспрашивает папа.

– Мне кажется, я могу вернуть Нейта, – отвечаю я.

– Перестань, – просит мама, – не надо, дочка, хватит.

Она начинает плакать. Не прозрачными нежными слезами, как плачут актрисы в кино, нет. Она громко всхлипывает, трёт глаза, а в груди у неё клокочет, как будто она задыхается, – стеклянный сосуд наконец-то разбился, а осколки встали ей поперёк горла.

– Я даже думать об этом больше не могу, – выдыхает она.

Наверное, я понимаю, о чём она думает, что хочет сказать, – ложные надежды бьют сильнее, чем простая и понятная потеря. И хотя меня трясёт от ярости, я задыхаюсь в отчаянии, но я люблю маму, и мне невыносимо видеть, как она мучается. И тогда я обнимаю её, и она приникает ко мне, как будто мы меняемся местами – я мать, а она дочь. Папа вдруг оказывается у меня за спиной, а я и не заметила, когда он успел подняться. Он обнимает нас обеих и кладёт голову мне на затылок. Я чувствую, как он слегка покачивается, быстро и коротко втягивая воздух.

Приведём мысли в порядок: «Рассказывать родителям о

“Танце повешенных” нельзя. Не поймут. Ещё и в психушку отправят. И как я тогда помогу Нейту? Надо выиграть время. Думай, Виола, думай». И в тепле родительских объятий, под всхлипы и слёзы мне приходит в голову кое-что стоящее.

– Через несколько дней у Нейта день рождения. Шестнадцать лет. – Мама начинает плакать ещё сильнее и громче, но я упрямо продолжаю: – Давайте отметим этот день, как в прошлый раз. Я испеку его любимый шоколадный торт, мы вместе споём «С днём рождения!»... А потом попросаемся.

Родители медленно размыкают объятия, и мы снова оказываемся каждый сам по себе. Они многозначительно переглядываются, и я знаю, что они скажут, даже прежде, чем мама, устремив на меня покрасневшие глаза, произносит:

– Договорились.

«Не пройдёт и недели, как мой брат умрёт».

Эта мысль не выходит у меня из головы, но я стараюсь об этом не думать. Пока Нейт лежит на больничной кровати, опутанный гибкими трубками и проводами, пока он дышит, я верю, что его можно спасти. Даже если ради этого придётся пойти на самое страшное – вернуться в то кошмарное, проклятое место.

Уже почти полночь, но мне не до сна. Всё тело ломит. Я лежу на кровати и тупо пялюсь в трещину на потолке.

«Пора возвращаться в мир “Танца повешенных”. Иначе никак. К чему притворяться? Я всегда знала – так и будет. С

того самого мгновения, когда Бабба буквально влезла в мою голову и вернула мне память. Я должна вернуть Нейта домой. Что мне сказала вчера Бабба? “С Нейтом всё в порядке. Пока, по крайней мере”. О каком Нейте она говорила? О спящем Нейте, моём брате, или о Нейте, который живёт в её вселенной? А что, если они на самом деле – одно целое? Отметина на его запястье именно об этом и говорит.

Отметина. Знак. Не нравится он мне. Мы с Элис ничего не писали о татуировках или рисунках на коже в продолжении к “Танцу повешенных”. Однако та, другая, вселенная приукрашивает историю, добавляет подробностей, не стесняется слегка отклониться от канона. И ещё Бабба сказала: “Скоро что-то произойдёт, я чувствую. Ветер переменялся, и с этим ничего не поделаешь”. Неужели там творится что-то плохое?»

Трещина на потолке расплывается, дрожит, рядом с ней появляется другая точно такая же – передо мной как будто размытые рельсы. Я моргаю, и вторая трещина исчезает.

«Что ужасного может там произойти? “Песнь повешенных” окончилась с надеждой на хороший конец, порочный круг разомкнулся. Бабба так и сказала. Быть может, кто-то в нашем мире сел за третью книгу? Тимоти ведь не зря упомянул о других писателях...»

Я раздражённо перекатываюсь на бок и упираюсь взглядом в чашку остывшего чая, которую давным-давно принесла мама.

«Нужно каким-то чудом попасть в мир “Танца повешенных”. В прошлый раз это случилось на “Комик-Коне” – задрожал свет, обрушился потолок, и мы оказались в другой вселенной. Правда, потом нас уверяли, что ничего подобного не было, просто дрогнула земля, и мы четверо без видимой причины рухнули на пол. Скажем иначе – нам показалось, что обрушился потолок. Президент Стоунбек признался, что хотел перенести в книгу Элис с помощью какой-то непонятной технологии гемов, а меня с Кейти и Нейтом прихватил случайно, за компанию. Правда, потом Бабба объяснила, что перенесла меня намеренно, тайком от президента...

Всё просто».

Меня разбирает смех.

Я зажмуриваюсь. В прошлый раз, больше года назад, всё случилось там... на «Комик-Коне». Почему именно там? Вспомнив слова Тимоти, я распахиваю глаза. Наш редактор сказал: «Там фандом сильнее всего». Быть может, действительно сказалось влияние фандома, и сила коллективного сознания перенесла нас в книгу? И молнией сверкает мысль: «Сегодня пятница, а новый “Комик-Кон” завтра».

«Сегодня мы обнаружили у Нейта метку, мои родители решили отключить его от аппарата искусственного дыхания, а завтра “Комик-Кон”! Неужели совпадение? Сомневаюсь. Бабба всегда планировала события с филигранной точностью».

Схватив телефон, я отчаянно набираю сообщение Кейти и Элис. На экране остаются влажные точки от моих вспотевших пальцев. «Так. О решении родителей пока ни слова». Я просто не могу напечатать эти ужасные слова на экране, поэтому пишу так:

Иду завтра на «Комик-Кон».

Кто со мной?

Кейти не задаёт вопросов. И не говорит, что потом психолог вытрясет из неё душу. Она отвечает коротко:

Я пойду. Но никаких костюмов.

Обнимаю.

Элис хочет, чтобы её убедили:

А зачем тебе на «Комик-Кон»?

Какой короткий вопрос. И какой длинный у меня на него ответ. Но я пишу кратко:

Сама знаешь!!!

А ты напомни!

ЗА НЕЙТОМ!!!!

Ты чокнулась. Я позвоню твоей матери!

Даже и не думай.:) Придёшь?

Извини, не смогу.

Я молча всматриваюсь в экран телефона. Не свожу с него глаз, наверное, пару часов.

Извини, не смогу.

Эти три слова действуют мне на нервы. Их как будто написал робот. Они не расскажут, как мне страшно, как жутко. Да никаким смайликом этого не выразить! Во рту пересохло, даже глотать больно. Виола говорит, что отправляется за Нейтом. Неужели она и вправду верит, что Нейт заперт в параллельной вселенной, в мире «Танца повешенных», и его ещё можно спасти? Господи, сумасшествие какое-то. Однако если отбросить все сомнения и разогнать грызущих червячков раздумий, то всё гораздо проще: я ей нужна. К тому же тихий голосок в самой глубине души упрямо вопрошает: «А если она права?»

Сполоснув лицо, я крашу губы и сбегая вниз по лестнице. «Я иду на “Комик-Кон”».

Мы хотя бы будем вместе. Что бы ни случилось. Я иду на “Комик-Кон”.

Только этого мне не хватало».

Глава 7

– *Виола* —

Выставочный центр «Олимпия» с прошлого года ничуть не изменился. Два стеклянных полушария нависают над широким кирпичным тоннелем, тёмные колонны тянутся к светлым металлическим балкам – гигантское строение будто украшено кусочками Эйфелевой башни. А от знакомого запаха – жареных сосисок, разгорячённых тел и духов – к горлу подкатывает тошнота. На балконах полощутся огромные плакаты, над головами косплейеров парят воздушные шары.

– Всё как в тот раз, – говорит Кейти, будто читая мои мысли.

– Да. А вот ощущения у меня совсем другие.

Она кивает.

– Аналогично.

Мы вместе смотрим, как понарошку сражаются Гэндальф и Гарри Поттер. «Интересно, Кейти тоже завидует этим ребятам? Нам следовало бы прийти в костюмах любимых героев, наставить друг на друга волшебные палочки, взметнув полы длинных плащей, а не стоять, крепко держась за руки, со слезами вспоминая жуткие подробности». Мимо марши-

рует отряд космических штурмовиков, и волшебники скрываются из виду. Игрушечные винтовки не отличишь от настоящих, и от вида оружия у меня внутри всё сжимается.

– Куда теперь? – интересуется Кейти, и я, будто очнувшись, бросаюсь вперёд, от стенда к стенду, петляю между невысокими перегородками.

– Мы пойдём туда, где фандом сильнее всего.

А вот и площадка с постером к книге «Танец повешенных». Я спешу к ней кратчайшим путём, случайно сбив с ног Чудо-женщину.

– А поточнее? – спрашивает Кейти, догоняя меня. – Что это за сила фандома и зачем она нам?

– Фандом оживил вселенную книги, создал её силой коллективного сознания. В прошлый раз мы перенеслись в тот мир именно здесь, потому что на «Комик-Коне» ожидания собравшихся фанатов – нашего фандома – многократно усилились.

Кейти вдруг останавливается, и я поворачиваюсь к ней.

– То есть фандом создал целый мир? Вселенную книги? Но как?

– Честно говоря, не могу объяснить... всё сложно. Ну... когда уже много людей поверили в «Танец повешенных», представили себе героев, события, всё это появилось на самом деле. В параллельном мире.

Кейти недоверчиво хлопает ресницами, и мы отправляемся дальше. Делаем всего несколько шагов, и она хватает меня

за руку. Кругом смеются, звучит знакомая мелодия из фильма, скрипят колёса тележек с хот-догами, но даже сквозь этот шум я слышу, как охает Кейти. Она заметила его первой. Торна. Или очень симпатичного юношу в костюме Торна.

– Мерзость, погань, зараза, – бессвязно бормочет Кейти, и я её понимаю.

Косплейер постарался на славу, всё при нём: загорелая кожа, идеальная улыбка и даже чёрная повязка, закрывающая глаз. Вот только это не гем, а явный деф – не дорос до шести футов, да и в плечах значительно уже генетически улучшенного предводителя повстанцев. К тому же у этого парня слишком добродушный взгляд, с Торном ему не тягаться.

– Приветствую вас, милые дамы. – И он с улыбкой вкладывает нам в руки по рекламному буклету.

– Что за фигня? – сдавленным шёпотом спрашивает Кейти.

– А вы разве не читали «Танец повешенных»? – уточняет он, заметив ошарашенный взгляд Кейти. – Да не беспокойтесь, я просто в костюме одного из персонажей.

Дёрнув подругу за руку, я неестественно хихикнула.

– Конечно. Она знает. Просто побаивается чёрных повязок.

Мы идём к стенду, и каждый шаг даётся Кейти всё с бóльшим трудом. «Она вся как натянутая струна. И это только моя вина. Если ничего не получится, не миновать ей очередной психологической травмы. А если мы пришли сюда не

напрасно, то, выходит, я собственными руками тащу Кейти в опасную, непредсказуемую вселенную, где правит хаос, и нет никаких гарантий, что мы вернёмся домой». От этой мысли я застываю на месте. Рапунцель и Золушка в стиле стимпанк буквально врезаются в нас, не успев свернуть. Они извиняются, хоть и не виноваты, и я с трудом благодарно машу им вслед.

– Послушай, – поворачиваюсь я к Кейти, – не надо было мне звать тебя с собой. Ты возвращайся домой, я не против. Наверное, в этот раз я должна всё сделать сама.

В лучах утреннего солнца рыжие волосы Кейти пламенеют, как костёр, а кожа кажется белее мела.

– Не дури, – прищурив ярко-зелёные глаза, хмыкает она. – Мы только что встретили парня, которому у меня на глазах перерезали горло. Я тебя здесь не брошу.

Улыбка, родившись где-то в глубине души, медленно добирается до моих губ.

– Так ты мне веришь? Веришь, что мир «Танца повешенных» действительно существует?

– Может... и да. Или нет. Посмотрим. – Кейти делает вид, что её тошнит от таких мыслей. – Не важно, что там. Если эта книженция и ожила, не факт, что нас снова в неё засосёт.

Особой уверенности в голосе подруги не слышно, и последние шаги до стенда мы преодолеваем медленно. Честно говоря, я побаиваюсь, как бы Кейти действительно не скрутило живот от переживаний.

Нас окружают сразу несколько девчонок в костюме Розы, и я, не удержавшись, вздрагиваю. Где-то вдалеке несколько раз вспыхивают молнии фотоаппаратов. Свет меркнет, а краем глаза я вижу надвигающуюся блестящую пелену, будто мерцают огоньки на ёлке. «Неужели всё началось, и мы переносимся в книгу?» Зажмурившись, я изо всех сил отгоняю подступающую тошноту. Но больше ничего не происходит. И никто не фотографирует. Всё спокойно, как обычно.

– И что, это и есть эпицентр фандома? – спрашивает Кейти.

Я оглядываюсь: майки с портретами персонажей, кружки, обложка «Песни повешенных» с моим именем, лицо Рассела Джонса, который здесь совсем не к месту, как я понимаю, вспомнив встречи с настоящим Уиллоу.

– Наверное, – пожимаю я плечами.

– И ничего не происходит.

– Я заметила.

Не то от страха, не то от разочарования, мой голос звучит непривычно резко и недовольно.

– Так вы идёте? – спрашивает меня кто-то. Это парень в костюме Эша. Ну или он хотел одеться как Эш – синий комбинезон дефа, тёмные волнистые волосы... Мне вдруг становится трудно дышать.

– Вы идёте? – повторяет он.

Сначала мне кажется, будто он спрашивает, переходим ли мы в книгу, и я застываю с открытым ртом. Но он кивает на

буклет у меня в руке, и я впервые пробегаю взглядом сложенный в несколько раз листочек, полученный от переодетого Торна.

– Кейти, посмотри!

Срывающимся голосом подруга читает:

– «Танец повешенных». Рассел Джонс и Тимоти О’Хара.
«Комик-Кон». Суббота, 11 часов.

– Вот здесь наш фандом будет сильнее всего, – киваю я.

– До начала пять минут, – сообщает Кейти.

– Элис —

Я ловлю чёрный кеб. Заплатить, конечно, придётся втридорога, а от водителя исходит аромат такой силы, что не помогает даже перегородка из оргстекла, отделяющая заднее пассажирское сиденье. Зато мы едем быстро, на дорогах пусто, и я добираюсь до выставочного центра гораздо скорее, чем надеялась. Машина останавливается у «Олимпии», и я выхожу, сделав напоследок доброе дело – оставляю водителю на чай достаточно, чтобы хватило на хороший дезодорант. При виде длинного хвоста очереди я, не сдержавшись, громко охаю.

«У меня нет времени! Я должна быть рядом с Виолой – сию же минуту! Ей нужна верная подруга, то есть я. Так. Живот втянуть, грудь выпятить – и уверенной походкой прямо к главному входу».

Никому и в голову не приходит меня остановить или хотя бы пристыдить за такой манёвр. Только у самой двери мне преграждает путь какая-то женщина в униформе:

– Ваш билет?

– Я Элис Чайлдс, автор книги «Песнь повешенных». У меня назначена встреча с редактором.

«Слава тебе господи, хотя бы голос у меня дрожит не так заметно, как руки».

Я думала, меня сразу прогонят, однако женщина любезно улыбается.

– Минуточку, Элис. – Она проглядывает имена на бейджиках, сложенных перед ней на столе. – Хम्म... Элис Чайлдс? У вас запланирована беседа с читателями?

– Я обещала подписать несколько книг. Меня пригласили в последний момент.

«Вру и не краснею. Будем считать, что это ложь во спасение».

Женщина подаёт мне бейджик с надписью: «Гость».

– Вот, держите. С этим вас пропустят. Простите, что ничего лучше не нашлось.

– Ничего страшного, спасибо, – смущённо благодарю я.

«Подумать только! Я вру ей в глаза, а она ещё и извиняется!»

Повесив волшебный пропуск на шею, я со всех ног бегу в главный зал.

«Сколько времени? Скоро одиннадцать».

Не представляю, где искать Виолу и Кейти. Наверное, стоит начать со стенда «Танца повешенных». Если их там не будет, пройду по всему отделу антиутопий и загляну в зелёную комнату.

Вот и главный зал. От навязчивого запаха меня мутит. Аромат не то чтобы особенно неприятный – с вонью в некоторых вольерах зоопарка не сравнить, – просто сразу вспоминаются жуткие события прошлого года. У меня нет времени ни на раздумья, ни на то, чтобы полюбоваться красивым залом. Господи, да мне некогда даже попятиться на разодетых в пух и прах симпатичных косплееров. Надо найти Виолу, пока она не смылась на поиски потерянной души Нейта.

Отыскав взглядом постер с Расселом Джонсом, я тороплюсь к нему, однако туфли на высоких каблуках не разделяют моей страсти к бегу через толпу, и спустя мгновение я врезаюсь в парня в костюме Дэдпула и шлёпаюсь прямо ему под ноги.

«Как унижительно!»

Сгорая от стыда, я даже не чувствую боли и только мысленно молюсь, чтобы рядом не оказалось вездесущих папарацци, готовых снять меня на видео и выложить на YouTube. Вот сейчас я наберусь сил, вскочу, как будто ничего не случилось... однако силы где-то задержались, и я так и лежу на животе среди ног в самой разной обуви, как заторможенная, всеми покинутая дура.

– Элис? – раздаётся у меня над головой, и я перекатыва-

юсь на спину, ожидая увидеть лицо Дэдпула.

Однако на меня смотрит Гэндальф. Я молча моргаю, пытаясь собраться с мыслями.

«Откуда Гэндальфу меня знать?»

Под седой бородой и остроконечной шляпой мелькают тёмные глаза в густых ресницах и встревоженная полуулыбка. Косплейер помогает мне сесть.

– Ты как? Не ушиблась?

– Нет. Просто... так глупо получилось...

– Ничего, – усмехается Гэндальф. – Дэдпулу приходилось и хуже.

Я приподнимаю брови, и Гэндальф хохочет, показывая крупноватые зубы.

– Не бери в голову. Супергерои восстанавливаются мгновенно. – Парень снимает шляпу и бороду. У него очень смуглая кожа, широко расставленные глаза, а завитки тёмных волос закрывают уши. – Ты меня не узнала?

Узнала, как не узнать, но признаваться не собираюсь и рассеянно качаю головой. Моему самолюбию нанесён слишком сильный урон, а лучший способ прийти в себя – заставить другого почувствовать себя неловко. Точно так же поступает мой отец, а я, как ни стыдно признаться, его копирую.

– Я Дэнни, – спокойно сообщает парень, как будто и не надеялся, что я его вспомню. – Дэнни Брэдшоу. Мы учились с тобой в шестом классе.

Дэнни всегда мне нравился. Такой серьёзный, всё знал о компьютерах и прочей невыносимо скучной муре. Но он никогда не пялился на меня, по-идиотски разинув рот, и даже пару раз одолжил на алгебре калькулятор. Понимаете, о чём я? Парень носил с собой не один калькулятор, а целых два! #ботаннавыгуле.

– Ах да, конечно, – киваю я. – Прости, не узнала тебя в костюме.

– Точно. Надо было в школу так ходить, не додумался.

Глядя на него, невозможно не улыбнуться. Дэнни помогает мне встать, и я смущённо отряхиваю джинсы, одновременно оглядывая зал.

– Ты кого-то ищешь? – спрашивает он.

– Виолу и Кейти. Помнишь таких?

– Естественно.

– Ты их не видел? – Вряд ли я услышу «да», но кто знает.

– Нет. Они, скорее всего, пошли на встречу с этим придурком, Расселом Джонсом. Он о чём-то болтает с читателями «Танца повешенных» вместе с тормозом-редактором. Да ты их знаешь, правда? – Его щёки вдруг вспыхивают. – Прости.

Я отмахиваюсь. На что тут обижаться?

– Когда у них встреча?

Дэнни бросает взгляд на часы.

– Началась минут пять назад. Давай провожу тебя, рассчитаю дорогу своим волшебным посохом. – Он вдруг хлопает

себя ладонью по лбу и приказывает сам себе: – Да замолчи уже, Дэнни!

– Большое спасибо, – соглашаюсь я, пряча смешок, и мы дружно шагаем в толпу косплейеров.

Глава 8

– *Виола* —

Комната под завязку забита фанатами «Танца повешенных». Торны, Розы, несколько Уиллоу и даже копии Дейзи. «Чёрт. Дейзи. Я совсем о ней забыла».

В «Песни повешенных» я придумала Эшу подружку. Девуцу из гемов. Высокую, красивую, загорелую, как карамелька. Таковую, какой хотела быть сама. И назвала её Дейзи – что значит ромашка, полевой цветочек. Меня разбирает смех.

«Подумать только, ревную к девице, которую сама же и придумала, и злюсь на парня, который меня знать не знает. Совсем с ума сошла».

Мы с Кейти плюхаемся на шаткие кресла лицом к небольшому возвышению у стены. Пахнет пылью, мужским лосьоном и пивом. На стене, за подиумом, болтается занавес с изображением Колизея, такого, каким его показали в фильме. Мне вдруг становится трудно дышать, сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Это всё ради Нейта, – шепчу я себе. – Только ради Нейта.

– Ты права, фандом здесь действительно очень силён, –

замечает Кейти. Она оглядывает сбившихся в группку Торнов, и белки её глаз будто напитываются зеленоватыми отсветами ламп. – Всё это уже было, чёрт подери.

– Если мы снова окажемся в том мире, никакие воспоминания с реальностью не сравнятся. Понимаешь?

Она кивает.

– Потому-то я и не пушу тебя туда одну, без присмотра.

Я сжимаю её дрожащую коленку. Похоже, Кейти поверила, что мы окажемся в книге, перейдём в параллельную вселенную, и у меня внутри взвивается целый вихрь чувств: страх, надежда, отрешённость – мы уже как бы не здесь, а распластались на больничных койках.

– Всё будет лучше, чем в прошлый раз, – уверяю я Кейти. – Мы с Элис написали хорошее продолжение, «Песнь повешенных». Начать с того, что дефов теперь не вешают.

– Знаю, – кивает подруга. – Как хорошо, что на этот раз я прочла книгу.

– Но слишком хорошо не будет, не надейся. – Мне кажется, что моя святая обязанность – рассказать Кейти, на что она идёт. – Остались и бедность, и болезни, и жестокость. Они никуда не делись. Бабба говорит, что в воздухе что-то витает, грядут перемены к худшему.

– К какому такому худшему?

– Не знаю. Она не объяснила. Возможно, это как-то связано с отметиной на руке Нейта. И ещё я думаю, что кто-то здесь, у нас, уже пишет третью книгу.

– Мамма мия! Кто?

Я только качаю головой.

– Не знаю. Я не знаю. Тимоти сказал, что у него писателей пруд пруди. Может быть, один из них уже взялся за работу, появились читатели, этакий мини-фандом, который и меняет мир «Танца повешенных».

Закрыв глаза, я стараюсь не думать об ужасах, с которыми мы снова столкнёмся по ту сторону, в другом мире. Ненависть, жестокость, страшная вонь, как от разлагающихся птиц. Я вспоминаю хорошее: белые перья и светло-голубые глаза. И ещё, конечно, лицо моего брата.

Раздаётся знакомая мелодия – главная тема из саундтрека к фильму «Танец повешенных». Комнату наполняют звуки скрипок, виолончелей, ритмичный стук ударных. С тех пор как мы вышли из комы, я по вполне понятным причинам ни разу не пересматривала этот фильм, и теперь музыка напоминает мне голос бывшего возлюбленного... Ну, наверное, такие ощущения возникают, когда слышишь голоса бывших, хотя наверняка мне знать неоткуда. В душе переплетаются ностальгия и гнев.

Мелодия звучит всё громче, зрители начинают аплодировать. Мы с Кейти сидим в середине ряда, запертые с обеих сторон фанатами, и на меня волнами накатывает паника, всё сильнее сдавливая горло. На сцену поднимается Тимоти в синем деловом костюме, сияющий в лучах изумрудных софитов. Редактор усаживается у небольшого стола и бросает

взгляд на приготовленный для него стакан воды. Следом выходит Рассел Джонс. Всё такой же напыщенный красавчик, ничуть не изменился. Зрители восторженно кричат, свистят, и Рассел коротко кланяется, прежде чем усестся рядом с Тимоти.

Громкая музыка почти стихает, звучит фоном. Тимоти с приклеенной улыбкой ждёт, пока смолкнут аплодисменты.

– Всем привет, – произносит он. Его голос раздаётся где-то у нас за спинами. Наверное, так работает микрофон. – Спасибо, что пришли. Рад всех вас видеть и счастлив приветствовать здесь Рассела Джонса, также известного как Уиллоу Харпер.

Рассел улыбается и машет зрителям. Все снова хлопают, кто-то выкрикивает приветствия, а парень в костюме Нейта позади меня резко фальшиво свистит, как будто паровоз выпускает пар.

Тимоти снова ждёт, пока всё стихнет.

– Мы хотели рассказать вам о том, что ждёт серию «Танец повешенных» – и книги, и фильмы. К сожалению, наши писательницы Элис Чайлдс и Виола Миллер прийти не смогли, – говорит он.

Зрители недовольно стонут. Надо же, оказывается, приятно, когда столько народу хотят тебя видеть. Может, удивить их? Вскочить и крикнуть: «Привет! Я здесь!» Однако выступления на публике никогда не были моей сильной стороной, лучше посмотреть со стороны, что же будет дальше.

Тимоти без улыбки оглядывает зал.

– Они шарахаются от «Комик-Кона» как от чумы, и я их понимаю. С книгами и читателями это никак не связано.

Щёки у Тимоти то темнеют, то зеленеют. Наверное, лампочка мерцает. А эти чёртовы скрипки начинают действовать мне на нервы – звук такой, как будто инструменты в последний раз настраивали год назад.

Тимоти как ни в чём не бывало продолжает:

– Прежде всего я хочу сделать объявление...

«Не нравится мне такое начало».

Пауза затягивается, зрители смотрят на Тимоти затаив дыхание, а он наслаждается своей властью. Софиты тоже дрожат и подмигивают будто от нетерпения.

Наконец Тимоти подаётся вперёд и сообщает:

– Нас ждёт продолжение «Танца повешенных».

Зал взрывается криками и аплодисментами. Парочка Торнов вскакивают и принимаются топать как взбесившиеся кони. На меня медленно накатывает тошнота: голова кружится, мерзкие лампы подмигивают, от гнева хочется заорать.

– Мы с Элис отказались писать третью книгу, – в отчаянии говорю я Кейти. – Значит, её точно пишет кто-то другой.

Кейти отрешённо блуждает взглядом по потолку.

– Что-то здесь не то... не так... – бормочет она. – Меня тошнит.

И тогда я вспоминаю, что и как произошло с нами год назад. Так же мигали лампы. Пахло лекарством и жжёной тка-

ню.

Лицо Кейти уплывает куда-то влево.

– Началось, – говорю я.

Сквозь протяжный гул скрипок, крики и аплодисменты толпы доносится голос Тимоти. Громкий, ясный и самоуверенный.

– Да, дорогие читатели, будет ещё одна книга. И в ней вас ждут смерть, предательство... и противостояние!

Зрители кричат всё громче. Я открываю было рот, чтобы воскликнуть: «Не будет никакой третьей книги!» – но слова застревают у меня в горле.

Ухватившись за спинку стула, я медленно встаю. Соседи-ко스플레이еры оборачиваются, показывают на меня, но мне всё равно. «Я должна добраться до Тимоти, прежде чем меня унесёт в книгу. Я должна обязательно объяснить ему, что третью часть писать нельзя. Ни в коем случае!»

Покрывшись холодным потом, я медленно пробираюсь к проходу. Комната вращается перед глазами, и, наверное, это я время от времени ахаю, но упрямо иду вперёд. Я наступаю на ноги парню, одетому Торном, протискиваюсь мимо красчиков-гемов и утыкаюсь прямо в копию Нейта. При виде парнишки, так похожего на моего брата, я на мгновение застываю. «Неужели я в книге? И передо мной действительно Нейт? Настоящий... мой брат Нейт?» Но в радостные мысли врывается голос Тимоти, перекрывающий даже скрип струнных инструментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.